**Ѳ. Андреевъ.**

# МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ И СЛАВЯНОФИЛЫ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры
1915.

Оттискъ изъ Богословскаго Вѣстника № 10—12 за 1915 годъ

# Московская Духовная Академія и Славянофилы.

Появленіе настоящаго ряда краткихъ и порою случайныхъ справокъ, объединенныхъ подъ выше-стоящимъ заглавіемъ, нуждается въ оправданіи. Читателю можетъ показаться, что предлагаемая его вниманію тема нѣсколько искусственна, что это своего рода прозаическій экспромтъ юбилейнаго характера. Если бы рѣчь шла о сравненіи культурныхъ задачъ славянофильства съ цѣлями просвѣтительной дѣятельности нашихъ высшихъ духовныхъ школъ вообще,—сомнѣніе въ правомѣрности постановки такого вопроса вѣроятно не возникло бы: оправдать передъ сынами вѣка древнюю православную вѣру отцовъ, съ ея бытовымъ укладомъ,—вотъ та общая почва, на которой сходятся и почти сливаются два эти мощныхъ потока—свѣтскій славянофильскій и духовно-просвѣтительный. Правомѣрность постановки такой темы не нуждалась бы въ оправданіи; но, какъ же быть съ понятіемъ *московскаго*, примѣшавшимся къ этой чисто идейной сторонѣ дѣла? Вѣдь ставить на принципіальную почву вопросъ объ отношеніи славянофиловъ именно къ Московской Духовной Академіи представляется затруднительнымъ: для этого необходимо прежде ясно представить себѣ характерныя черты, отличающія нашу Академію отъ ея иногородныхъ собратій; но, такой общепризнанной ея характеристики нѣтъ [1]).

---

[1]) Преобладающее историческое направленіе ея научной дѣятельности характеризуетъ ее лишь внѣшнее (Ср. С. К. Смирновъ. „Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія". М. 1879. Стр. 68. „Образованіе въ Московской Академіи сравнительно съ другими Академіями получило особое направленіе съ характеромъ преимущественно истори-

Подобное недоумѣніе вполнѣ законно, и потому тема, поставленная въ заголовкѣ статьи, должна пониматься дѣйствительно въ узкомъ смыслѣ: рѣчь идетъ лишь о *чисто внѣшнихъ отношеніяхъ*, связывавшихъ дѣятелей нашей Академіи съ дѣятелями славянофильства. Здѣсь мѣстное и историческое закрываютъ принципіальное.

Но, тогда что же остается и отъ славянофильства и отъ Академіи?—Почему мы въ такомъ случаѣ останавливаемся именно на этихъ двухъ группахъ общественныхъ дѣятелей, а не беремъ для разсмотрѣнія какое-либо иное возможное сочетаніе любого числа иныхъ человѣческихъ группъ?

На послѣдній вопросъ мы отвѣтимъ такъ: мы ищемъ слѣдовъ взаимоотношеній между славянофилами и дѣятелями Московской Академіи потому, что, даже за вычетомъ принципіальнаго, въ самомъ фактѣ встрѣчи тѣхъ и другихъ на географическомъ пространствѣ Москвы и ея предѣловъ мы усматриваемъ нѣчто далеко не случайное: и для славянофильства и для русскаго духовнаго просвѣщенія вообще, Москва не просто одинъ лишь изъ русскихъ городовъ, хотя бы и столичныхъ, а нѣчто гораздо болѣе существенное. Въ отношеніи къ славянофиламъ это—общепризнано. Для славянофиловъ, Москва—подлинное сердце Россіи. „Средоточіе правительственное должно быть тамъ же, гдѣ средоточіе народное“,—такова формула Константина Аксакова [2]). „Въ Москву, въ Москву призываетъ... своего Царя вся Россія!.. Пора домой!“ восклицаетъ Иванъ Аксаковъ [3]).

Но, будучи истиннымъ сердцемъ Россіи Москва у славянофиловъ получаетъ еще и иное, высшее значеніе. „Поддержи въ Самаринѣ его московскіе, т. е. общечеловѣческіе, интересы“, писалъ Хомяковъ Веневитинову [4]). Но, подъ общечеловѣческимъ, славянофилы, какъ извѣстно, понимали не тотъ минимумъ, который остается за вычетомъ всего характернаго для каждой отдѣльной народности, а скорѣе напро-

---

ческимъ“. То же самое, въ гораздо большей степени, справедливо и въ отношеніи ко временамъ послѣ преобразованія. Достаточно вспомнить имена Лебедева, Голубинскаго и мн. др.).

[2]) „Русь“. 1882. № 2. „Значеніе столицы“. Стр. 11, I.

[3]) Тамъ же. 1881. № 17. Стр. I, I (Послѣ I-го марта).

[4]) „Сочиненія“. Т. 8. Стр. 58. (М. 1904. Письмо отъ 24 окт. 1843 г. Тамъ же: „Москва, т. е. Русь“).

тивъ—тотъ максимумъ совершенства, котораго можетъ достигнуть въ земныхъ условіяхъ каждый отдѣльный племенной союзъ, вѣрный своему божественному предназначенію. И нигдѣ, думали славянофилы, высота этого божественнаго предназначенія не доведена до такой степени совершенства, какъ въ племенахъ славянскихъ и, въ частности,—въ народѣ русскомъ. Будущность этого племени представлялась имъ въ сіяніи славы: здѣсь максимумъ племенного совершенства совпадалъ поистинѣ съ максимумомъ общечеловѣческимъ вообще. Къ осуществленію его и звали славянофилы; но успѣхъ этой дѣятельности, по ихъ убѣжденію, зависѣлъ исключительно отъ степени вѣрности русскаго народа православнымъ завѣтамъ его отцовъ. Вопросы славянофильской политики тѣсно связаны съ судьбами русскаго православія, и если Москва для нихъ тождественна съ цѣлой Русью, то и послѣдняя неотдѣлима отъ всего Православнаго Востока.

Но, не во имя ли защиты восточнаго русскаго православія противъ иноземныхъ вліяній получила свое бытіе и наша Академія? Вѣдь она возникла въ сознательный противовѣсъ западному направленію, проникавшему въ русское просвѣщеніе [5]). Какъ Москва славянофильская звала царя прочь отъ окна въ Европу внутрь, въ его русское жилище, такъ и „Еллино-Славенскія схолы“ [6]), изъ которыхъ выросла Московская Академія должны были, прекративъ доступъ западнымъ вѣяніямъ, сохранить и упрочить внутрь восточной ограды разумное пониманіе вселенской истины православія. И было время, когда наша Академія призывалась одна нести эту отвѣтственную службу.—„Указъ нашъ царскій нерушимо полагаемъ, говорится въ нашей *Академической Привилегіи*, еже бы ни единому кому здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и въ прочихъ нашея царскія державы градѣхъ, развѣе сего отъ насъ, великаго государя, учиненнаго училища... не учити, точію въ семъ единомъ общемъ училищѣ

---

[5]) См. напр. А. Галкинъ. „Академія въ Москвѣ въ 17 столѣтіи“ М. 1913.— Вся вторая глава (стр. 27—59). Много примѣровъ также въ статьѣ Архим. Иларіона: „Богословіе и свобода Церкви“ („Богосл. Вѣсти“. н. г., сентябрь). Но вообще, конечно, фактъ исторически извѣстный.

[6]) С. К. Смирновъ. „Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи“. М. 1855. Стр. 38.

да учатся, во еже бы отъ разныхъ домовыхъ учителей, паче же отъ иностранныхъ и иновѣрныхъ, противности какой либо вѣрѣ нашей православной не внестися и не быти разгласію“ [7]).

Скажутъ: то было давно,—нынѣ Академія Кіевская дѣйствуетъ уже согласно съ Московской, Петроградъ уже не смѣется надъ „московитствомъ“ славянофиловъ,—время московскихъ „привилегій“ прошло! Да, но должна ли пройти и самая память о томъ, что была когда то на свѣтѣ славянофильская и православная Москва? Конечно, чѣмъ больше мѣстъ на земномъ шарѣ будутъ въ этомъ смыслѣ какъ Москва—тѣмъ лучше, однако слѣдуетъ ли отсюда, что понятіе московскаго совершенно теряетъ свое прежнее значеніе? Не должна ли Москва и нынѣ остаться символомъ православнаго Востока? Нельзя ли понятіе московскихъ привилегій сдѣлать устойчивымъ, несмотря на внѣшнее ихъ несоотвѣтствіе настоящему положенію дѣлъ? Понятіе православнаго Востока шире понятія Москвы, но оно уже понятія „всего свѣта“. Московскія привилегіи и должны напомнить объ этой послѣдней истинѣ. Да, Востокъ есть только одна изъ странъ свѣта,—въ этомъ его исключительность, но въ этой странѣ свѣта нашла себѣ земное прибѣжище надмірная истина, и въ этомъ *привилегія* Востока. Московское, прибавленное къ Академіи, только напоминаетъ и ей и всякой другой Академіи, что онѣ по существу московскія, т. е. не западныя, а восточныя, православныя. Если такъ, то мы снова возвращаемся къ наиболѣе широкому пониманію поставленной темы, какъ задачи выяснить черты внутренняго совпаденія двухъ великихъ теченій: славянофильскаго и духовно-просвѣтительнаго. Отъ прибавленія понятія *московскаго* тема ничего не теряетъ въ своей принципіальности. Но разсмотрѣніе вопроса въ такой широкой постановкѣ мы откладываемъ до болѣе удобнаго времени: въ сборникѣ, содержащемъ историческіе матеріалы, и наше изложеніе пріобрѣтаетъ повѣствовательный характеръ. Здѣсь московское берется въ его узкомъ смыслѣ; впрочемъ и символическое не

---

[7]) Приводится у Н. Ѳ. Каптерева въ статьѣ: „О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ 17 столѣтіи“. „Прибавл. къ твор. св. отцевъ“. Ч. 44, стр. 567.

исчезаетъ вовсе: оно чутко сторожитъ нашу юбилейную тему, готовое каждую минуту освѣтить ея временное и мѣстное значеніе свѣтомъ, льющимся съ высоты Востока. Стоя на реалистической почвѣ и признавая истинно восточное всюду, гдѣ бы оно ни проявлялось, мы не хотимъ сводить и Москву къ одному лишь отвлеченному понятію. Русскій востокъ всюду, гдѣ жива русская идея, но взоры русскихъ людей почему то всегда упорно обращаются къ Москвѣ. Ошибемся ли мы, если скажемъ, что въ послѣдніе дни Москва даже рѣшительно побѣдила; что славянофильство нынѣ становится хорошимъ тономъ, ко благу или ко вреду его—покажетъ будущее *).

Но, если нынѣ Москва снова объединяетъ Россію и съ нею весь православный востокъ, то славянофиловъ и дѣятелей нашей Академіи она объединяла всегда. Когда, въ 1856 году, вышла „Русская Бесѣда“,—первый органъ объединенныхъ славянофиловъ, въ программѣ которой говорится: „Народность русская неразрывно соединена съ православною вѣрой. Вѣра—душа всей русской жизни“, и задачей журнала ставится оправданіе и обоснованіе этого начала,—наша Академія, въ лицѣ А. В. Горскаго, живо откликнулась на этотъ славянофильскій призывъ. „Первый № вашего изданія, писалъ онъ Н. П. Гилярову-Платонову—одному изъ главныхъ сотрудниковъ „Бесѣды“, произвелъ здѣсь (т. е. въ Академіи—*Ѳ. А.*) самое благопріятное впечатлѣніе. Самостоятельность сужденія,—серьезность нравственныхъ убѣжденій, русскій умъ и сердце,—сочувствіе къ славянству—все это прекрасные залоги благихъ успѣховъ въ будущемъ, успѣховъ, можетъ быть, не быстрыхъ, не громкихъ, но глубокихъ, сильно дѣйствующихъ на литературу и жизнь. Господь да поможетъ“ [8])! Въ этихъ словахъ Горскаго, по поводу самаго програмнаго изъ всѣхъ славянофильскихъ журналовъ, въ свою очередь, думается намъ, дана какъ бы програма всѣхъ

*) „Время славянофильствуетъ“, свидѣтельствуетъ современный славянофилъ В. Эрнъ, въ статьѣ, такъ озаглавленной. Но онъ не рѣшается утверждать, что вмѣстѣ съ временемъ славянофильствуютъ и люди (Отдѣльно въ серіи „Война и Культура“. М. 1915. Стр. 5 и др.).

[8]) Приводится въ статьѣ кн. Н. Шаховскахо: „Годы службы Н. П. Гилярова—Платонова въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ“. „Русское Обозрѣніе“, 1897 г. Т. 46. Стр. 171 (Письмо отъ 11 мая 1856 года).

позднѣйшихъ отношеній къ славянофиламъ нашей Академіи. Пусть эти отношенія повидимому были внѣшни, пусть было не мало и взаимнаго непониманія, но, думается, на общей памяти тѣхъ и другихъ не осталось темныхъ пятенъ: одинъ молча обмѣненный взглядъ всегда могъ возстановить нарушенное равновѣсіе встрѣчи. Вѣдь тѣ и другіе—братья по крови, вѣдь то—московская кровь, то—лишь выявленное до конца сходство фамильныхъ чертъ ихъ общей матери православной Россіи.

Такъ ли это, или нѣтъ—пусть судитъ читающій описаніе этихъ внѣшнихъ встрѣчъ.

---

Говоря о славянофильствѣ всегда имѣютъ въ виду то идейное теченіе, которое, получивъ начало въ сороковыхъ годахъ въ Москвѣ, затѣмъ, уже не прерываясь, достигаетъ и до нашихъ дней. И это вполнѣ справедливо: внѣ московскаго славянофильства мы не знаемъ никакого другого аналогичнаго ему литературно-общественнаго движенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, впервые ясно высказавъ завѣтныя русскія думы, славянофильство открыло глаза и на такія явленія русской жизни, которыя, стоя внѣ непосредственной преемственной связи съ нимъ, въ смыслѣ идейномъ оказались отдаленными его предтечами. Къ числу такихъ „тайныхъ отцовъ славянофильства“ [9]) относится Григорій Саввичъ Сковорода. Воспитанный на западныхъ философскихъ образцахъ и непосредственно знакомый со всѣмъ строемъ европейской культуры, онъ первый попытался на собственной русской почвѣ возростить сѣмя русской философіи. Въ немъ славянофильство еще не нашло своего слова, но онъ хранилъ его, какъ завѣтную тайну своего сердца. Полнымъ таинственности было и его посѣщеніе Троицкой лаврской семинаріи, въ которомъ мы видимъ какъ бы прелюдію къ исторіи сношеній славянофиловъ съ нашей Академіей.

Въ 1755 году былъ вызванъ въ Славяно-Греко-Латинскую Академію изъ Кіева, для преподаванія философіи и гомилетики, нѣкто Владиміръ Каллиграфъ, „перекрещенецъ изъ евреевъ“, одно время бывшій и префектомъ ея, на котораго

---

[9]) См. В. Эрнъ. „Г. С. Сковорода. Жизнь и ученіе“. „Путь“. 1912. Стр. 340. Ср. все Заключеніе. „Сковорода и послѣдующая русская мысль“.

Арсеній Мацѣевичъ доносилъ, что онъ „въ Москвѣ говорилъ на поученіи плевелы не токмо лютеранскія и кальвинскія, но и жидовскія“, за что тотъ послѣ и былъ уволенъ отъ преподавательской дѣятельности [10]). Съ этимъ полу-землякомъ своимъ Сковорода и отправился было въ Москву, но по пути завернулъ къ другому своему земляку префекту Троицкой семинаріи и намѣстнику Лавры—Кириллу [11]). „Сей, увидя Сковороду, котораго зналъ уже по слухамъ и нашедъ въ немъ человѣка отличныхъ дарованій и учености старался уговорить его остаться въ Лаврѣ для пользы училища“, такъ разсказываетъ извѣстный другъ Сковороды—Ковалинскій, однако,—тщетно! странствующій философъ не захотѣлъ промѣнять посохъ на каѳедру и ушелъ такъ же внезапно, какъ и явился, „оставя по себѣ въ Лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла“ [12]).

Много лѣтъ спустя, когда семинарія стала уже Академіей и тайное славянофильство перешло въ явное, какъ бы по его стопамъ, пришелъ къ намъ другой великій украинецъ и если не отецъ, то старшій и ближайшій союзникъ славянофиловъ—Гоголь [13]). И онъ, подобно Сковородѣ, побывалъ у насъ мимолетно, но пріемъ оказанный ему былъ еще болѣе теплымъ, какъ въ лицѣ его академическаго друга о. Ѳ. Бу-

[10]) Похороненъ въ Лаврѣ. См. „Ист. Слав-Гр-Лат. Акад.“. Стр. 209—210.

[11]) Ляшевецкому. Около того же времени онъ оставилъ службу въ семинаріи. С. К. Смирновъ „Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи“. М. 1867. Стр. 96—97.

[12]) „Собраніе сочиненій Г. С. Сковороды. Т. I. Съ біографіей Сковороды М. И. Ковалинскаго („Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства“. Вып. 5. Спб. 1912“). Біографія. Стр. 6. Много рукописей Сковороды хранится у насъ въ Академіи. Еще въ началѣ 1857 года имъ сильно интересовались Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ и А. В. Горскій, какъ видно изъ ихъ переписки. Первый началъ изучать его параллельно съ Шеллингомъ, тотчасъ послѣ того, какъ оставилъ Академію и примкнулъ къ славянофиламъ. См. кн. Н. Шаховской: „Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова въ Моск. Ценз. Комитетѣ“. „Русск. Обозрѣніе“. 1897. Т. 46. Августъ. Стр. 712 и 716—718.

[13]) „Правда тамъ именно и есть, гдѣ они ее ищутъ“, говорилъ онъ о славянофилахъ, по свидѣтельству Н. М. Павлова (см. его статью „Гоголь и славянофилы“ „Русск. Архивъ“. 1890. Т. I. Стр. 149). Но вообще, конечно, достаточно вспомнить всю исторію его личныхъ отношеній къ Аксаковымъ, Хомякову и ихъ единомышленникамъ.

харева [14]), такъ и со стороны молодыхъ академическихъ питомцевъ [15]).

Такъ была проложена двумя великими малороссами малая дорожка въ Академію, по которой послѣ пошли къ намъ и тѣ изъ великороссовъ, кому это имя принадлежитъ не въ одномъ лишь этнографическомъ, но и въ болѣе глубокомъ смыслѣ. Эту дорожку и хотимъ мы нынѣ прослѣдить во всѣхъ ея самыхъ отдаленныхъ развѣтвленіяхъ. Мы не боимся, что они увлекутъ насъ въ сторону: „московскій отпечатокъ" не такъ то легко стирается!

Семьи Кирѣевскихъ, Хомяковыхъ, Аксаковыхъ и Самариныхъ—вотъ столпы славянофильства. Около нихъ, прежде всего, и должны сгруппироваться всѣ свѣдѣнія, касающіяся намѣченной темы. Впрочемъ и здѣсь, если мы, въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго славянофильскаго рода, будемъ стоять на строго хронологической почвѣ, нашъ разсказъ предварится небольшой, не чисто славянофильской, но очень близкой къ славянофильству сценой. Дѣйствующимъ лицомъ въ ней является Жуковскій—самый близкій другъ семьи Кирѣевскихъ, и конечно, тоже одинъ изъ пѣвцовъ „во станѣ русскихъ воиновъ". Въ 1849 году Жуковскій прислалъ въ „Москвитянинъ" Погодину—этому меньшому славянофилу, о которомъ рѣчь будетъ дальше—свою малоизвѣстную широкой публикѣ статью: „Двѣ сцены изъ Фауста", гдѣ онъ, въ подражаніе послѣднему, даетъ опытъ умозрительнаго истолкованія первыхъ словъ евангелія отъ Іоанна.

„Въ той сценѣ, пишетъ Жуковскій, которая предшествуетъ явленію Мефистофеля, то есть за минуту передъ тѣмъ, какъ овладѣла имъ враждебная сила, Фаустъ переводитъ изъ св. писанія I главу Іоанна. Онъ хочетъ поправить и выразить по своему мысль евангелиста, и такою гордостію становится доступенъ губительному искушенію. Никакой человѣческій умъ, разсуждаетъ Жуковскій далѣе, не придумаетъ ничего выше и всеобъятнѣе этого дивнаго евангельскаго *„слова"*; съ нимъ на ряду можно поставить только то, которое слышалъ Моисей изъ пламенной купины: *азъ есмь сый*.

---

[14]) Имѣемъ въ виду „Три письма къ Гоголю" послѣдняго.

[15]) См. „Богосл. Вѣстн." 1909. Мартъ. Н. Л. Т. „Замѣтка о посѣщеніи Н. В. Гоголемъ Моск. Дух. Академіи". Стр. 481—483.

Въ семъ послѣднемъ изображенъ Богъ безъ всякаго отношенія къ созданію; въ *словѣ* евангелиста изображенъ Богъ-Создатель во времени и вѣчности. Выраженіе *слово* (logos) разомъ объемлетъ то и другое. Но здѣсь подъ *словомъ* разумѣется не одно опредѣленное, языкомъ произносимое и слухомъ принимаемое слово; но слово вообще, то есть и слово—*духовное тѣло мысли*, вмѣстѣ съ мыслію въ минуту ея рожденія создающееся въ душѣ нашей, и слово—*матеріальная одежда этого духовнаго тѣла*, звукъ, его выражающій. По крайней мѣрѣ оно такъ въ отношеніи къ человѣку... Слово Божіе, напротивъ, есть Богъ—и Богъ, какъ творецъ, и Богъ, какъ твореніе, отъ вѣка бывшее и въ Богѣ и съ Богомъ, изъ воли его истекшее и въ немъ заключенное, но съ нимъ несліянное и съ нимъ не тождественное, имѣвшее начало, ибо оно твореніе, и безначальное, ибо оно есть *непосредственное* Божіе твореніе, а Богъ дѣйствуетъ въ вѣчности, въ которой *было, есть* и *будетъ*—одно и то же“ [16]). — Такъ пытается Жуковскій исправить погрѣшность Фауста и, незамѣтно для себя, самъ высказываетъ настоящую ересь. Но такова его статья въ окончательномъ видѣ, въ рукописи она еще подверглась нѣкоторымъ передѣлкамъ. Первымъ домашнимъ цензоромъ ея былъ И. В. Кирѣевскій.

„Возвращаю тебѣ статью Жуковскаго“, писалъ онъ Погодину,—„посмотри перемѣны, которыя я сдѣлалъ; кажется, теперь ничего нѣтъ противнаго Православію. Если это не очень портитъ ее въ риторическомъ отношеніи, то рѣшись печатать въ этомъ видѣ. Но во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что о риторикѣ думать нечего, когда дѣло идетъ о Православіи“ [17]). Не знаемъ, какъ отнесся къ этому дѣлу Погодинъ, но другой изъ малыхъ славянофиловъ Шевыревъ замѣтилъ, что и послѣ поправокъ Кирѣевскаго статья содержитъ въ себѣ много неправославнаго. Тѣмъ не менѣе всю вину онъ хочетъ свалить на духовную цензуру, которой предстоитъ вынести окончательный приговоръ, и гдѣ главнымъ лицомъ въ то время былъ нашъ Ѳ. А. Голубинскій. „Зачѣмъ ты послалъ статью Жуковскаго въ духовную цен-

[16]) „Полное собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго“. Спб. 1902. Т. 10. Стр. 124, 2-125, I.

[17]) Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“. Т. 9. Стр. 383.

зуру? пишетъ онъ Погодину. Какимъ образомъ Голубинскій будетъ цензоровать статью о Фаустѣ, Мефистофелѣ и Гретхенъ? Что за нелѣпость! Можно было посовѣтоваться съ какимъ-нибудь духовнымъ лицомъ, опытнымъ въ дѣлѣ, даже съ самимъ Митрополитомъ, но не отправлять въ духовную цензуру, которая такой статьи цензоровать не можетъ и не должна. Если они понимаютъ смыслъ своихъ дѣйствій, то должны оборотить статью назадъ" [18]). Шевыревъ, однако, ошибался: оффиціальный духовный критикъ свѣтскихъ темъ оказался на высотѣ и умственнаго и духовнаго величія.

Разсмотрѣвъ статью и поправки И. В. Кирѣевскаго Голубинскій отвѣчалъ Погодину, какъ истинный мудрецъ: „Трудно, говоритъ онъ, исправлять слова человѣка, богатаго живыми мыслями. Но вы предложили мнѣ это; потому только и рѣшился я замѣнить нѣкоторыя его выраженія своими. Онъ говоритъ о вѣчномъ Словѣ въ смыслѣ Платона и Плотина, и разумѣетъ едва ли не то, что у нихъ *κόσμος νοητὸς, τόπος* (или *πλήρωμα*) *τῶνἰδεῶν*, и въ этомъ смыслѣ могъ написать „твореніе". Мы другому научились у апостоловъ Іоанна и Павла, у которыхъ я и заимствовалъ вставленныя мною выраженія. Если этотъ begeisterter Mann крѣпко держится умозрѣній Платоническихъ въ этомъ пунктѣ, то хотя и есть сердечное желаніе ему лучшаго убѣжденія, но имѣемъ ли мы право писать за него вопреки его убѣжденію?... Предаю это на ваше разсмотрѣніе и рѣшеніе. Если примете вписанныя мною выраженія, то такъ и напечатаете ихъ, какъ вписаны. Если же усумнитесь принять, то зачеркнутыя слова прошу васъ не печатать, а навести, гдѣ нужно, связь, какъ сами знаете" [19])...

Таково было, едва ли не первое, косвенное знакомство старѣйшаго изъ славянофиловъ со старѣйшимъ изъ столповъ нашей Академіи. Семь лѣтъ спусть Кирѣевскому пришлось снова по цензурнымъ дѣламъ, но уже непосредственно, столкнуться съ другимъ изъ нашихъ первыхъ наставниковъ— П. С. Делицинымъ. Въ „Русской Бесѣдѣ" печаталась самая програмная изъ его славянофильскихъ статей—разсужденіе: „О возможности и необходимости новыхъ началъ для Фило-

[18]) Тамъ же. Стр. 384.
[19]) Тамъ же.

софіи". По поводу ея Т. И. Филипповъ—еще одинъ изъ славянофиловъ вторичной формаціи—писалъ ея автору: „Я сейчасъ пріѣхалъ отъ Троицы, куда возилъ вашу статью на разсмотрѣніе духовной цензуры. Делицынъ выкинулъ изъ нея слѣдующія четыре строки: „чтобы даже внутренній приговоръ совѣсти, болѣе или менѣе очищенной, онъ (т. е. человѣкъ вообще—*Ѳ. А.*) не признавалъ, мимо согласія другихъ разумѣтельныхъ силъ, за конечный приговоръ высшей справедливости". Причина выставлена такая: „Эта мысль можетъ иныхъ повести къ ложнымъ перетолкованіямъ, которыхъ конечно не имѣлъ въ представленіи авторъ" [20])...

М. О. Гершензонъ, въ своемъ новѣйшемъ изданіи сочиненій И. В. Кирѣевскаго, замѣчаетъ по поводу этихъ словъ, что теперь уже „невозможно опредѣлить", откуда они были вычеркнуты [21]). Между тѣмъ, даже при самомъ поверхностномъ чтеніи всей статьи, они легко становятся на свое мѣсто. Именно, они продолжаютъ ту, центральную для всего разсужденія, мысль Кирѣевскаго, что истинная сила разума заключается въ его цѣльности. „Первое условіе для такого возвышенія разума, говоритъ Кирѣевскій, заключается въ томъ, чтобы онъ стремился собрать въ одну недѣлимую цѣльность всѣ свои отдѣльныя силы, которыя въ обыкновенномъ положеніи человѣка находятся въ состояніи разрозненности и противорѣчія; чтобы онъ не признавалъ своей отвлеченной логической способности за единственный органъ разумѣнія истины; чтобы голосъ восторженнаго чувства, не соглашенный съ другими силами духа, онъ не почиталъ безошибочнымъ указаніемъ правды; чтобы внушенія отдѣльнаго эстетическаго смысла, независимо отъ другихъ понятій, онъ не считалъ вѣрнымъ путеводителемъ для разумѣнія высшаго міроустройства; (даже,—) чтобы господствующую любовь своего сердца, отдѣльно отъ другихъ требованій духа, онъ не почиталъ за непогрѣшительную руководительницу къ постиженію высшаго блага; *чтобы даже внутренній приговоръ совѣсти, болѣе или менѣе очищенной, онъ не признавалъ, мимо согласія другихъ разумѣтельныхъ силъ, за конечный при-*

---

[20]) Тамъ же. Т. 14. Стр. 573—574.

[21]) „Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго". М. 1911. Т. I. Стр. 287. Примѣчанія.

*говоръ высшей справедливости*, но чтобы онъ постоянно искалъ въ глубинѣ души того внутренняго корня разумѣнія, гдѣ всѣ отдѣльныя силы сливаются въ одно живое и цѣльное зрѣніе ума“ [22]). Конечно, цензоръ нашъ испугался за совѣсть. но, думается, что и мы не поступаемъ противъ совѣсти, когда пытаемся, черезъ 60 лѣтъ, какъ бы загладить вину одного изъ своихъ далекихъ наставниковъ.

Впрочемъ, въ отношеніи къ самому И. В. Кирѣевскому Академія не только давно уже ее загладила, но еще и воздала ему сторицей. Огнявъ нѣсколько незначительныхъ строкъ изъ его статьи, она удѣлила ему самому много своихъ рабочихъ часовъ. Мы имѣемъ въ виду всю ту дѣятельность Кирѣевскаго по переводу св. отцевъ, преимущественно мистиковъ, которую онъ велъ при Оптиной пустынѣ и въ которой ближайшей помощницей его и порой даже просто работницей была наша Академія, главнымъ образомъ въ лицѣ все того же незабвеннаго Ѳ. А. Голубинскаго [23]). О характерѣ этой совмѣстной дѣятельности ихъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся письма И. В. Кирѣевскаго и его жены Н. П. Кирѣевской къ оптинскому старцу Макарію. Писемъ самаго И. В—ча немного, но зато писемъ его супруги—безъ числа, и о нихъ намъ тоже придется сказать нѣсколько словъ, такъ какъ въ нихъ именно раскрывается ясно степень участія въ этомъ дѣлѣ нашей Академіи и выясняется трудная роль, выпавшая на долю смиреннаго нашего Ѳ. А. Голубинскаго.

Интересно, между прочимъ, что первое изъ сохранившихся писемъ такого типа, принадлежащихъ самому Кирѣевскому, какъ бы непосредственно примыкаетъ къ „дѣлу“ о вышеприведенной статьѣ Жуковскаго. Въ немъ рѣчь идетъ о той же тайнѣ Второго Лица Пресв. Троицы, надъ которой размышлялъ и Жуковскій: „Милостивый батюшка! пишетъ Кирѣевскій о. Макарію, прилагаю письмо инспектора Сергія [24]), полученное мною въ отвѣтъ но то, которое я ему

[22]) Тамъ же. Стр. 249.

[23]) Близкимъ помощникомъ И. В. въ этомъ дѣлѣ, кромѣ упоминаемыхъ ниже, былъ архим. Леонидъ, бывшій нашъ баккалавръ. См. „Старцы о. Паисій Величковскій и о. Макарій Оптинскій и ихъ литературно-аскетическая дѣятельность“. М. 1909. Стр. 35.

[24]) Ляпидевскаго. Инспекторъ Академіи съ 1848 года. Профессоръ нравственнаго и пастырскаго богословія. Съ 1857 г. — ректоръ. „Ист. М. Д. А.“. Стр. 440—441.

писалъ по вашему приказанію... Въ указаніи на Іоанна Дамаскина онъ ошибся: я писалъ ему объ 11-й главѣ и 3-мъ параграфѣ, разумѣя первую часть, въ которой говорится о Пресвятой Троицѣ. А онъ вмѣсто 3-го параграфа прочелъ 3-ю часть, и въ ней искалъ одиннадцатой главы, гдѣ идетъ рѣчь о другомъ.—Въ указанномъ же мною мѣстѣ говорится именно *о безначальности и небезначальности Сына.* Для усмотрѣнія вашего, выписываю это мѣсто, и при семъ прилагаю“ [25]). Но, Кирѣевскій ошибается самъ: онъ принимаетъ за третій параграфъ одиннадцатой главы—второй параграфъ главы двѣнадцатой, который по смыслу дѣйствительно продолжаетъ два предыдущихъ [26]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и нашъ о. Сергій, думая поправить его, вполнѣ могъ ошибиться, такъ какъ въ 11-й главѣ 3-й части рѣчь идетъ о томъ, „какимъ образомъ должно понимать выраженіе: Единое естество Бога Слова—воплощенное“ [27]). Что же касается собственно вопроса о небезначальности Слова, то такое пониманіе изъ разсматриваемой главы не вытекаетъ, такъ какъ тамъ говорится только, что Сынъ есть „Сила Отца, предначинающая твореніе всѣхъ вещей, какъ совершенная Ипостасъ, рождающаяся отъ совершенной Ипостаси, такъ, какъ знаетъ Самъ, который и есть Сынъ и называется“ [28]).—Но, уже самый тотъ фактъ,

---

[25]) Сочиненія Кирѣевскаго. Т. I. Стр. 75. (Курсивъ нашъ—Ѳ. А.). Рѣчь, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ письма, идетъ „о послѣднихъ главахъ аввы Ѳалассія“, именно о 94, 96, 99 и, въ особенности, о 100 пунктѣ 4-й Сотницы главъ „о покаяніи, воздержаніи и духовной жизни“, гдѣ говорится: „Сказуютъ, что Сынъ и Святой Духъ соприсносущны Отцу, но не собезначальны... потому что имѣютъ вину бытія. Впрочемъ нарицаютъ Ихъ и безначальными, когда кто начало беретъ отъ времени, дабы не представлялись подъ временемъ Тѣ, отъ Которыхъ время и т. д. „Творенія аввы Ѳалассія“ (второе изд. Оптин. пустыни). М. 1894. Стр. 68—69.

[26]) § 1-й 12-й главы надписанъ: „о томъ же“, т. е. является какъ бы § вторымъ для гл. 11-й, и тогда § 2-й 12-й гл.: „еще о божественныхъ именахъ“ можетъ быть принятъ за § 3-й 11-й гл. въ общемъ счетѣ. См. „Точное изложеніе прав. вѣры“. Перев. А. Бронзова. Спб. 1894 Стр. 30—36).

[27]) Тамъ же. Стр. 145—148.

[28]) Тамъ же. Стр. 25. Въ концѣ концовъ. недоумѣнія разрѣшились тѣмъ, что было найдено въ богословіи св. I. Дамаскина мѣсто болѣе характерное (§ 8, 1-й главы), которое и приведено въ примѣчаніи къ указаннымъ страницамъ твореній аввы Ѳалассія: „Сынъ... не безначаленъ, т. е. не безвиновенъ, ибо Онъ отъ Отца (впрочемъ, если понимать

что Кирѣевскій ищетъ въ этихъ словахъ такого полуаріанскаго смысла, объясняетъ его сравнительно снисходительное отношеніе къ подобному же богословствованію Жуковскаго.

Въ слѣдующемъ письмѣ, того же года, о нашей Академіи упоминается лишь вскользь и снова—не безъ легкаго осужденія: „Не могъ просмотрѣть замѣчаній Вашихъ на переводъ Троицкой Академіи, пишетъ онъ тому же о. Макарію, и только половину Вашего перевода *I-й главы Ис(аака) С(ирина)* успѣлъ перечесть и сличить съ переводомъ Лаврскимъ... До сихъ поръ мнѣ кажется, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Вы отступаете отъ перевода Лаврскаго, Вы совершенно правы и смыслъ у Васъ вѣрнѣе“ [29]).

Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ изъ той же серіи, на которомъ стоитъ остановиться, Кирѣевскій уже прямо говоритъ о своемъ главномъ помощникѣ въ дѣлѣ перевода—Ѳ. А. Голубинскомъ, и опять — не безъ упрековъ, причемъ центральное мѣсто вновь принадлежитъ вопросу о формулировкѣ троичнаго догмата. „Въ трехъ отпечатанныхъ листахъ Максима Исповѣдника, пишетъ онъ о. Макарію, Вы изволите усмотрѣть многія перемѣны противъ рукописи [30]). Изъ нихъ тѣ, которыя сдѣланы въ толкованіи на „Отче нашъ“, кажутся мнѣ совершенно согласными съ смысломъ перевода... и много объясняющими темноту нѣкоторыхъ реченій. Также и примѣчанія нѣкоторыя кажутся мнѣ весьма драгоцѣнными... [31]) Въ рукописи были нѣкоторыя слова поправлены рукою са-

---

начало относительно ко времени, и Сынъ безначаленъ, ибо Онъ Творецъ временъ и не подлежитъ времени и т. д.)“. Въ переводѣ А. А. Бронзова, конечно, гораздо болѣе выразительномъ, этимъ выпискамъ изъ І. Дамаскина соотвѣтствуютъ страницы 26 и 20.

[29]) Сочиненія И. Кирѣевскаго. Т. 2. Стр. 259—260. Письмо 1852 года.

[30]) Рѣчь идетъ о книгѣ „Преподобнаго отца нашего Максима Исповѣдника толкованіе на молитву „Отче нашъ“ и его же слово постническое по вопросу и отвѣту. Изданіе Козельской Введенской Оптиной пустыни“. М. 1853. Переводъ ея сдѣланъ Т. И. Филипповымъ. См. „Старцы о. Паисій и о. Макарій“. Стр. 58—59. Къ нему же, очевидно, адресовано письмо № 164, въ „Собраніи писемъ блаж. памяти оптинск. старца іероехим. Макарія къ мірскимъ особамъ“. М. 1862. Стр. 330—333, гдѣ говорится о томъ же; но дата выставлена невѣрная.

[31]) Объ извѣстномъ разночтеніи второго прошенія молитвы Господней: „да пріидетъ Духъ Твой Святый и да очиститъ насъ“, и о различіи соединенія ипостаснаго и по благодати.

мого Митрополита. Видно, что онъ занимался этимъ дѣломъ.—Но послѣ того, какъ рукопись была у Митрополита, Голубинскій сдѣлалъ нѣкоторыя прибавленія, и, кажется, напрасно. Напр., онъ вставилъ въ текстъ слова... „да пріидетъ Духъ Твой Святый и да очиститъ насъ“. Что было драгоцѣнное поясненіе въ примѣчаніи, то дѣлается порчей книги, когда вставляется въ текстъ и приписываются святому Писателю такія слова, которыхъ онъ не говорилъ.—Но съ этимъ было дѣлать нечего.— Однако же, другую вставку я взялъ на себя смѣлость вычеркнуть, потому что мнѣ кажется, что она можетъ навести на ложное пониманіе. Голубинскій взялъ ее изъ рукописи Латинской, изданной Бернардинскими монахами. Для чего же изъ этихъ Латинскихъ изданій брать реченія, которыхъ нѣтъ въ переводѣ Паисія, и приписывать ихъ Паисію?.. Латинскіе монахи въ такихъ случаяхъ не знаютъ совѣсти и легко присочинятъ реченіе... Основываясь на этомъ чувствѣ, я вычеркнулъ слова, прибавленныя Голубинскимъ. Онъ можетъ ихъ поставить въ опечаткахъ, если захочетъ. Но Васъ, Батюшка, прошу сказать мнѣ, такъ ли я поступилъ, или слишкомъ самовольно [32])? Въ другомъ же писаніи Св. Максима, въ *Словѣ постническомъ*, Голубинскій много перемѣнилъ въ рукописи, и, кажется, очень часто понапрасну, а иногда даже поставилъ и смыслъ, какъ мнѣ кажется, неправильный; дѣлать было нечего. Потому, кажется, что рукопись была написана дурнымъ почеркомъ и съ ошибками грамматическими, онъ предъубѣдился противъ всего сочиненія, и увѣрился, что это переводъ не Паисія, а какого-то переводчика, неопытнаго ни въ Греческомъ, ни въ Русскомъ языкѣ. Мнѣ же кажется, что онъ ошибается, и что переводъ носитъ характеръ Паисіевской системы *до слова*, и что поправки Голубинскаго несовсѣмъ удачны. Напр.: слово *смотреніе* онъ напрасно замѣняетъ словами *цѣль* или *намѣреніе* [33]). Мысль, что *Господь*

---

[32]) Рѣчь идетъ о тайнѣ Пресв. Троицы: ни Единство не выводимо изъ Троичности, ни обратно, ибо, поясняетъ Голубинскій со словъ бернардинцевъ. „не... посредствуется коимъ-либо соотношеніемъ тождественное и безотносительное акибы произведеніе къ винѣ своей относящееся“, т. е. оба строго соотносительны и ни одно не является причиною другого.

[33]) „Смотреніе“ желательно на стр. 51: „Брать вопроси старца, глаголя:

*терпѣлъ дѣйствія лукаваго изъ любви къ людямъ, которыми тотъ дѣйствовалъ*, Голубинскій, кажется, неправильно замѣнилъ другою мыслію, что Господь *наказывалъ лукаваго* любовью къ людямъ.—Не это, кажется, есть то наказаніе, которое опредѣлено лукавому [34]). Тамъ многое Голубинскій измѣнилъ по своему предъубѣжденію. Все, однакоже, эта брошюра съ двумя Писаніями Св. Максима есть, по моему мнѣнію, одна изъ самыхъ глубокомысленныхъ, изъ самыхъ важныхъ, изъ самыхъ полезныхъ книгъ, которыя когда либо были у насъ напечатаны" [35]).

Этими немногими документами пока собственно и исчерпываются всѣ свѣдѣнія о непосредственныхъ отношеніяхъ И. В. Кирѣевскаго къ нашей Академіи [36]), но они находятъ себѣ естественное продолженіе въ дѣятельности его супруги, благодаря которой, по общераспространенному мнѣнію, опирающемуся на извѣстное сказаніе „объ обращеніи Ивана Васильевича", въ послѣднемъ и произошелъ тотъ религіозный поворотъ, которымъ единственно обусловлены самыя его отношенія и къ Оптиной пустынѣ и къ нашей Академіи [37]).

---

Молютися, отче, рещи ми, кое бѣ намѣреніе вочеловѣченія Господня", но на стр. 67 оно вполнѣ у мѣста: „аще убо и ты, брате, сіе держати имаши намѣреніе". Въ другихъ случаяхъ (на стр. 60 трижды) стоитъ „смотреніе".

[34]) Стр. 63 и 64. Но, думается, что неясность здѣсь происходитъ исключительно вслѣдствіе крайней лаконичности рѣчи св. Максима.

[35]) Сочиненія Кирѣевскаго. Т. 2. Стр. 262—263. Въ своемъ отвѣтѣ о. Макарій всталъ, повидимому, на сторону Голубинскаго и сдѣлалъ И. В. строгій выговоръ за излишнія умствованія. См. тамъ же, стр. 283 — 284.

[36]) Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ Историческомъ описаніи Оптиной пустыни, составленномъ о. Ерастомъ (1892 г.), и въ приложеніи къ переводу „Сотницъ" аввы Θалассія. Изд. 2-е, 1894 года.

[37]) См. „Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣевскаго. Исторія обращенія Ивана Васильевича" („Сочиненія". Т. I. Стр. 285 — 286). До сихъ поръ, если мы не ошибаемся, правдивость этого разсказа, записаннаго, какъ извѣстно, со словъ самой Н. П. Кирѣевской, заподозрилъ только одинъ изслѣдователь, именно — А. Лушниковъ, въ своей интересной работѣ: „И. В. Кирѣевскій. Очеркъ жизни и ученія", печатающейся нынѣ въ „Православномъ Обозрѣніи" (см. ч. 2-я, стр. 46, прим. I-е), тогда какъ другой, новѣйшій же біографъ Кирѣевскаго,—А. Ю. Кинги принимаетъ его попрежнему безъ критики („И. В. К-й. Его личность и дѣятельность". „Филол. Зап." 1914 г. и отдѣльно — Воронежъ. 1915. Стр. 84—85). Между тѣмъ, цѣлый рядъ надежныхъ свидѣтельствъ—Ю. Самарина, Хомякова, Грановскаго, Е. И. Поповой (ея дневникъ изданъ въ 1911 году, подъ за

Наталья Петровна Кирѣевская является, такимъ образомъ, какъ бы естественной посредницей между И. В. и нашими богословами, но, какъ мы увидимъ, эта роль принадлежала ей и въ болѣе прямомъ смыслѣ. Однако, прежде чѣмъ обратиться къ ней, остановимся на одной интересной подробности въ отношеніяхъ И. В. къ нашей Академіи, которую мы уже отчасти отмѣтили. Мы имѣемъ въ виду тотъ фактъ, что — случайно, или по причинамъ болѣе глубокимъ — несмотря на ограниченность документовъ, характеризующихъ указанныя отношенія, можно замѣтить, что приведенныя свидѣтельства очень типичны для И. В. Кирѣевскаго. Какъ мы уже указывали, въ письмахъ послѣдняго, касающихся нашей Академіи, рѣчь идетъ преимущественно о тайнѣ пресв. Троицы [38]). Но вѣдь именно Кирѣевскому принадлежатъ знаменитыя слова: „ученіе о Св. Троицѣ не только потому привлекаетъ мой умъ, что является какъ высшее средоточіе святыхъ истинъ, намъ откровеніемъ сообщенныхъ, но и потому еще, что занимаясь сочиненіемъ о философіи, я дошелъ до того убѣжденія, что направленіе философіи зависитъ, въ

---

главіемъ: „Изъ московской жизни сороковыхъ годовъ“), П. И. Бартенева и мн. другихъ — говоритъ за то, что степень ея участія въ этомъ обращеніи И. В—ча отнюдь не должна быть переоцѣниваема. Мы лично думаемъ что, помимо добраго вліянія всей вообще семьи Кирѣевскихъ, религіозной и славянофильской еще въ старшемъ поколѣніи (см., напр., воспоминанія о старикахъ Кирѣевскихъ въ „Русскомъ Архивѣ за 1877 г., ч. 2-я), большая роль въ этомъ дѣлѣ принадлежала родной сестрѣ И. В.— Маріѣ Васильевнѣ Кирѣевской, восторженно любимой братомъ, и о которой всѣ знавшіе ее сохранили лучшія воспоминанія (Жуковскій — въ стихотвореніяхъ и письмахъ, Погодинъ—въ некрологѣ о ней, уже упомянутая Е. И. Попова, П. И. Бартеневъ, какая-то „Старушка изъ степи“, въ „Русск. Архивѣ“ 1882 года, и др. лица. Почти всѣ они, по преимуществу, подчеркиваютъ ея глубокую христіанскую настроенность, завершившуюся подвигомъ, близкимъ къ иночеству. О томъ, какъ высоко цѣнилъ ее братъ, видно въ особенности изъ двухъ писемъ его къ ней 1830 и 1847 гг.).

[38]) Что касается до толкованія на „Отче нашъ“ св. Максима Исповѣдника, то, какъ извѣстно, Хомяковъ считалъ свое умозрительное изъясненіе тайны Пресв. Троицы очень близкимъ къ тому, которое дается св. Максимомъ, въ указанномъ его твореніи (См. P. S. письма его къ Ю. Ѳ. Самарину отъ 6 авг. 1852 года. Сочиненія. Т. 8. Стр. 271.—Годъ на письмѣ выставленъ проблематично: возможно, что письмо писано и въ слѣдующемъ году, когда Хомяковъ могъ уже получить отъ И. Кирѣевскаго книгу св. Максима).

первомъ началѣ своемъ, отъ того понятія, которое мы имѣемъ о Пресвятой Троицѣ“ [39]).—Въ признаніи же того, что эти слова И. В-ча не случайны, а напротивъ крайне характерны для него, сходятся и новые апологеты той же истины и вмѣстѣ—друзья славянофильства [40]) и его враги. Послѣднимъ тоже кажется, что слова Кирѣевскаго достойны особаго вниманія, но лишь какъ лучшее доказательство его крайней „некультурности“. Это засвидѣтельствовалъ, какъ извѣстно, „знаменитый русскій философъ“ Писаревъ. Въ статьѣ „Русскій Донъ-Кихотъ“, написанной по поводу перваго изданія сочиненій Кирѣевскаго [41]), онъ какъ разъ обвинялъ послѣдняго за вышеприведенное сужденіе. Мѣсто, относящееся сюда, цензура выкинула, но изъ судебнаго разбирательства дѣла видно, что эти слова были нарочито подчеркнуты Писаревымъ. „Положимъ, оправдывается за него на судѣ его издатель и ярый апологетъ Павленковъ, положимъ, что понятіе о Троицѣ вещь весьма святая, но говорить, что отъ этого зависитъ развитіе всѣхъ философій земного шара—это значитъ быть не христіаниномъ, а религіознымъ фанатикомъ, значитъ не поддерживать православіе, а оказывать ему медвѣжью услугу, значитъ обвинять православіе въ чудовищномъ деспотизмѣ — въ томъ, что оно хочетъ поглотить философію, что она у насъ не мыслима, что мы можемъ имѣть лишь одну теологію“ [42]). Судъ оправдалъ обоихъ свободныхъ мыслителей, но нашей Академіи суждено было не только оказать посильную научную помощь самому Кирѣевскому въ истолкованіи этой высшей истины, но и подтвердить, черезъ много лѣтъ, правильность его философской догадки сакціонированіемъ ученаго достоинства труда, выросшаго подъ кровомъ нашей же Академіи и посвященнаго раскрытію той же мысли [43]).

---

[39]) Н. А. Елагинъ. „Матеріалы для біогр. И. В. К—го. Сочиненія К—го“. Т. I. Стр. 74.

[40]) Свящ. П. Флоренскій. „Смыслъ идеализма“. Серг. Пос. 1915. Стр. 96 и въ 2-мъ томѣ „Сборника статей въ память столѣтія И. М. Дух. Академіи“. Стр. 134).

[41]) „Сочиненія“. Спб. 1904. Т. 2. Стр. 218—238.

[42]) Литературный процессъ по 2-й части сочиненій Писарева. Дополнит. къ шести томамъ выпускъ. Приложеніе. Стр. 152.

[43]) Имѣемъ въ виду магистерскую диссертацію о. П. Флоренскаго „О духовной Истинѣ“.

Обращаясь теперь къ Н. П. Кирѣевской и ея посредничеству между Академіей и И. В—чемъ Кирѣевскимъ въ дѣлѣ перевода аскетическихъ твореній, мы въ письмахъ ея, касающихся даннаго вопроса, конечно, уже не найдемъ и признаковъ богословствованія, но они интересны въ томъ отношеніи, что рисуютъ внѣшнюю сторону самаго дѣла, хотя, къ сожалѣнію, оставляютъ непріятное впечатлѣніе. Они показываютъ, какъ легко вхожая къ митрополиту Филарету Н. П. сплошь и рядомъ пользуется своей привилегіей для того, чтобы взваливать на нашего Ѳ. А. Голубинскаго, который вообще во всей этой исторіи, какъ уже замѣчено, является главнымъ страдающимъ лицомъ,—работу выше его силъ совершенно не считаясь съ тѣмъ, что, кромѣ удовлетворенія ея суетливыхъ издательскихъ затѣй, у него была масса другихъ обязанностей.—Но, вотъ письма говорятъ сами за себя:

„Графъ Протасовъ, пишетъ она тому же о. Макарію, говорилъ у Троицы бывши, про Ѳ. А. Голубинскаго, „что дѣло цензуры отягощаетъ его и слишкомъ для него ничтожно". Изъ сего Ѳ. А. заключаетъ, что ему должно оставить Комитетъ, и говоритъ: „есть-ли и оставлю его черезъ полгода или годъ, то, во всякомъ случаѣ, при себѣ наложу печати (т. е. Цензурнаго Комитета) на всѣ рукописи Паисія и сверхъ того, хоть и выйду изъ цензуры, но этотъ трудъ не оставлю и всѣ самъ ихъ просмотрю, если же умру, то все же къ выпуску ихъ не будетъ остановки, потому что печать ко всему приложена будетъ". Я сердечно его благодарила" [44])...

Но ясно, что всѣ эти увѣренія Ѳ. А. являются отвѣтомъ на предварительныя настойчивыя просьбы Н. П., которая изъ сообщенія гр. Протасова вывела не то, что Ѳ. А. утомленъ и нуждается въ отдыхѣ, а лишь то, что онъ скоро уйдетъ изъ цензурнаго комитета, и, слѣдовательно, нужно спѣшить хорошенько его использовать, причемъ благоразумно предусматривается даже возможность его скорой кончины. Рядъ слѣдующихъ писемъ рисуетъ общую картину такой эксплуатаціи.

13 мая (1849 года) Н. П. пишетъ про рукопись перевода: „...посылаю для цензуры, къ Ѳ. А. Голуб. Буду просить его о поспѣшности..." и далѣе: „оригиналъ не скоро

[44]) „Старцы о. Паисій Величковскій и о. Макарій Оптинскій". Стр. 70.

выручишь теперь у Ѳ. А. Гол. А желалось бы окончить этотъ томъ при себѣ...“ [45]).—28 іюля: „... отпечатывается 9-й листъ словъ св. Марка; остается 8-е его слово, которое переведено или переводится Ѳ. А. Голуб.; завтра желаю писать Голубинскому, чтобы онъ поспѣшилъ присылкою сего послѣдняго слова“ [46]).—15 августа: „Я предоставила Владыкѣ настоящее замедленіе въ страничкахъ 8-го слова св. Марка; если же ожидать Симеона Евхаитскаго да Ѳалассія и проч., то года въ три не дождаться. Владыка смѣялся и согласился, и сказалъ, что писалъ самъ съ Г. къ Ѳ. Голубинск. о Варсануфіи и, что какъ будетъ въ Лаврѣ, то опять подтвердитъ Голубинскому“ [47]). — 19 августа: „Письмо отъ Г., въ которомъ видно, что Владыка говорилъ съ Ѳ. А. Голубинскимъ; слѣдствіемъ разговора, присланъ черезъ о. І. окончаніе 8-го сл. св. Марка... Вотъ ужъ слава Богу, только должно быть очень на меня непріятно Ѳ. Голубинскому“ [48]).—25 августа: „Г. ... съ о. І. поперемѣнно надоѣдалъ Ѳ. А. Г., и это весьма похвально. Хотя нашелъ Голубинскаго во гнѣвѣ, но его Владыка круто посадилъ за Варсануфія, уже это прекрасно, это милость Божія и Владыки нашего великая. Слава Господу Богу, поспѣшествующему благому дѣлу. Господь все устроитъ“ [49]). Наконецъ, 5 сентября, послѣ такихъ благочестивыхъ изліяній, нѣсколько напоминающихъ благодарственную молитву по совершеніи auta-da-fe [50]), какъ бы слабые проблески сознанія: „Завтра думаю написать къ Ѳ. А. и благодарность, и извиненіе, и просьбу прислать не мѣшкая окончаніе Ѳеогноста“ [51]). Затѣмъ послѣдовало, очевидно, самое извиненіе, и 16-го—смиреннѣйшій отвѣтъ Голубинскаго: „Почтеннѣйшая раба Господня, Наталья Петровна. Простите меня ради Христа. Я ничего противъ васъ не имѣю, а только себя

---

[45]) Тамъ же. Стр. 69.

[46]) Тамъ же. Стр. 73.

[47]) Тамъ же. Стр. 75.

[48]) Тамъ же. Стр. 76.

[49]) Тамъ же. Стр. 77.

[50]) См. относящееся сюда и прямо противоположное по тону письмо о. Макарія въ сборникѣ писемъ его къ мірскимъ особамъ: письмо № 356, стр. 631.

[51]) „Старцы“. Стр. 78.

виню за свои неисправности“ [52]).—19-го—новый нажимъ на митрополита, впрочемъ съ легкими варіаціями: „Я.., прибавила нѣсколько словъ о томъ, что боялась отвлекать Ф. А. теперь инымъ занятіемъ отъ книги св. Варсануфія. Владыка сказалъ: „да, я ему приказалъ исключительно ею заняться“ [53]).—А затѣмъ, очевидно, смотри тѣ же письма и въ томъ же порядкѣ, только съ другими датами...

Такова эта характерная страничка изъ исторіи знакомства нашей Академіи со славянофилами. Извѣстно, правда, что Ѳ. А. Голубинскій былъ немного лѣнивъ, но въ настоящемъ случаѣ, думается, вина лежитъ все же больше на Н. П. Кирѣевской, не дававшей ему буквально ни отдыху, ни сроку.

Кромѣ послѣдняго, Н. П. знала еще въ нашей Академіи ректоровъ—епископовъ: Савву [54]) и Михаила [55]) и профессоровъ: С. К. Смирнова [56]) и П. С. Казанскаго [57]), но былъ ли знакомъ съ ними И. В. Кирѣевскій—не знаемъ [*]). По всей вѣроятности нѣтъ, такъ какъ Н. П. познакомилась съ ними довольно поздно и, если не ошибаемся, главнымъ образомъ для того, чтобы устроить судьбу одного своего малоспособнаго племянника, который и былъ къ намъ дѣйствительно опредѣленъ, но едва-едва дотянулъ до конца курса. „На вступительныхъ экзаменахъ, вспоминаетъ преосв. Савва, онъ оказался весьма мало подготовленнымъ къ слушанію академическихъ лекцій, а сочинять почти вовсе не могъ; ему въ этомъ отношеніи оказывалъ дѣятельную по-

---

[52]) Тамъ же. Стр. 77.

[53]) Тамъ же. Стр. 46.

[54]) Съ нимъ она вела обширную переписку. См. его „Автобіографическія записки“.

[55]) „Хроника моей жизни. Автобіографическія записки высокопр. Саввы, архіеп. Тверскаго и Кашинскаго“. Т. 4. Стр. 6.

[56]) Тамъ же. Стр. 5—6 и 23—24.

[57]) См. Проф. А. А. Бѣляевъ. „Профессоръ П. С. Казанскій и его переписка съ архіеп. Костромскимъ Платономъ“. „Богосл. Вѣстн.“, 1903, ноябрь, стр. 519, и декабрь, стр. 650. Когда онъ былъ цензоромъ, Н. П. пыталась подгонять и его. „Автобіогр. записки преосвящен. Саввы“. Т. 3. Стр. 350.

[*]) По нѣкоторымъ намекамъ о. Ѳ. Бухарева можно думать, что послѣдній зналъ И. В. Кирѣевскаго лично (см. его письмо къ Погодину въ „Воспоминаніяхъ“ о немъ послѣдняго. „Сборникъ, служащій дополненіемъ къ Простой рѣчи о мудреныхъ вещахъ“. М. 1875. Стр. 207).

мощь, какъ оказалось въ послѣдствіи, одинъ изъ его товарищей, именно студентъ Владимірской семинаріи Евгеній Быстрицкій. Для юноши Арбенева четырехлѣтній академическій курсъ прошелъ почти безплодно: онъ вышелъ изъ академіи не болѣе, какъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, и то по особому снисхожденію" [58]). Это снисхожденіе было оказано ему епископомъ Игнатіемъ можайскимъ, магистромъ нашей Академіи, предсѣдательствовавшемъ тогда на выпускныхъ экзаменахъ [59]), и знакомства съ которымъ, вѣроятно тоже по вышеуказаннымъ соображеніямъ, Н. П. нѣкогда добивалась долго и настойчиво [60]).

Настоящими краткими свѣдѣніями пока, собственно, и исчерпывается вся исторія непосредственныхъ отношеній нашей Академіи къ старѣйшей славянофильской семьѣ, и все остальное сводится уже къ изученію немногочисленныхъ, но богатыхъ по содержанію сочиненій Кирѣевскаго, которое шло и идетъ у насъ прилежно и успѣшно. Бывали у Кирѣевскаго правда и принципіальные противники въ нашей академической средѣ [61]), но въ цѣломъ его міровоззрѣніе считается даже болѣе близкимъ къ обще-церковному, чѣмъ ученіе его знаменитаго друга Хомякова, къ которому мы теперь переходимъ [62]).

[58]) См. его „Автобіогр. записки". Т. 2. Стр. 758 и „Списки студентовъ, окончившихъ полный курсъ И. М. Дух. Академіи за первое столѣтіе ея существованія". Серг. Пос. 1914. Стр. 49. Списки 25 курса. Арбеневъ занимаетъ послѣднее мѣсто въ спискѣ „дѣйствительныхъ студентовъ".

[59]) См. письмо С. К. Смирнова къ преосв. Саввѣ, отъ 20 ноября 1868 г. „Автобіогр. записки". Т. 4. Стр. 108.

[60]) См. тамъ же. Т. 4, стр. 5—6 и т. 5, стр. 615—616.

[61]) Напр. Ф. А. Сергіевскій, баккалавръ логики и исторіи средней и новой философіи съ 1856 — 1857 года, по свидѣтельству Н. П. Гилярова-Платонова въ письмѣ къ В. Д. Кудрявцеву-Платонову („Русское Обозр.", 1897. Т. 46. Августъ. Стр. 715).

[62]) Объ отношеніяхъ брата И. В. Кирѣевскаго—Петра Кирѣевскаго къ нашей Академіи ничего не извѣстно. Надъ рукописями его, оставшимися послѣ смерти, усердно работалъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, подготовляя ихъ къ изданію (См. кн. Н. Шаховской. „Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова въ Моск. Ценз. Комитетѣ". „Русск. Обозр.", 1897 г., октябрь, стр. 736). Курсовое сочиненіе о И. В. Кирѣевскомъ писалъ, подъ руководствомъ проф. Н. Л. Туницкаго, студ. 67 курса И. Грацинскій: „Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій, какъ родоначальникъ славянофильства (отзывы въ Журн. Совѣта за 1912 г., стр. 230—234)".

Если въ отношеніяхъ Кирѣевскаго къ нашей Академіи преобладаетъ элементъ личный и случайный, то связь съ нею другого великаго славянофила—Хомякова—носитъ черты строго принципіальныя. Въ этомъ, если угодно, своего рода иронія судьбы: замкнутый и тихій Кирѣевскій, незамѣтный въ московскихъ гостинныхъ, благодаря шумливой общительности своей супруги, становится извѣстенъ Академіи прежде всего лично: живой собесѣдникъ Хомяковъ—душа славянофильскихъ собраній—обращаетъ на себя вниманіе нашихъ богослововъ уже послѣ того, какъ смерть сдѣлала его неподвижнымъ и безгласнымъ. Хомякова наша Академія знаетъ почти исключительно по его писаніямъ [68]).

Въ отношеніи къ послѣднимъ можно, впрочемъ, установить нѣкоторую послѣдовательность и отмѣтить постепенное измѣненіе взгляда на нихъ со стороны нашихъ богослововъ, благодаря чему самыя отношенія кажутся какъ бы менѣе теоретическими и болѣе непосредственными. И хотя, при такомъ историческомъ разсмотрѣніи, самое начало знакомства можетъ показаться не совсѣмъ благопріятнымъ для установленія добрыхъ отношеній между Хомяковымъ и нашими богословами, мы не считаемъ возможнымъ обойти молчаніемъ подобныя свидѣтельства. Скажемъ болѣе, иная—болѣе дружественная—встрѣча съ Хомяковымъ, на первыхъ порахъ, была бы для насъ, быть можетъ, менѣе извинительной, чѣмъ та недовѣрчивая и рѣзкая, съ которой фактически началось наше знакомство съ нимъ. Вѣдь богословствованіе Хомякова и, прежде всего, его катехизическое ученіе о Церкви,

—

[68]) Проф В. З. Завитневичъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о Хомяковѣ говоритъ о занятіяхъ Хомякова въ Троицкой академической библіотекѣ надъ изученіемъ твореній св. Кирилла Іерусалимскаго и указываетъ, повидимому по каталогу (№№ 2430 и 2432), тѣ изданія ихъ, которыми Хомяковъ могъ пользоваться („А. С. Хомяковъ", т. I, стр. 971). Фактъ этотъ на указанной страницѣ называется уже упомянутымъ; однако прежде на стр. 97 приводился лишь извѣстный разсказъ Кошелева о феноменальной памяти Хомякова, запомнившаго даже страницу одного рѣдкаго изданія св. Кирилла Іерусалимскаго. Но у Кошелева говорится о библіотекѣ Троицкой Лавры и о такомъ изданіи твореній св. Кирилла которыя „только тамъ и имѣлись", („Русск. Арх." 1879. Т. 3, стр. 271); между тѣмъ указанныя изданія вовсе не рѣдкость и даже у насъ имѣются въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Такимъ образомъ интересное для насъ извѣстіе остается сомнительнымъ.

есть, несомнѣнно ударъ, колокола, расчитанный на обновленіе помышленій многихъ сердецъ, дремлющихъ на старыхъ ея катехизическихъ опредѣленіяхъ. Многихъ онъ и дѣйствительно пробудилъ и сдѣлалъ изъ видящихъ только внѣшнее умными созерцателями внутренняго существа Церкви. Однако, не неправы и тѣ изъ приверженцевъ старыхъ опредѣленій, кому новое слово о Церкви показалось слишкомъ свѣтскимъ словомъ о ней [64]).—Для людей бытового уклада церковно-учительная звоница мыслима лишь въ оградѣ церкви, и всякій иной звонъ, притязающій на благовѣстъ, но идущій откуда-то со внѣ, кажется скорѣе ударомъ вѣчевого колокола, призывающаго къ возстанію противъ существующаго церковнаго строя. Представителями такого уклада и были первые противники Хомякова изъ нашей Академіи. Дѣти духовенства и питомцы духовной школы, они выступили въ защиту этого духовенства и этой школы: они могли показаться односторонними и провинціалами, они и предпочли послѣднее той ложной игрѣ въ объективность, которая часто граничитъ съ отсутствіемъ всякихъ убѣжденій. Хомяковъ, несомнѣнно, недооцѣнивалъ значеніе іерархіи: они указали ему на его ошибку. Видимая сторона Церкви, въ его изложеніи, была слишкомъ заслонена Церковью невидимой: наши богословы напомнили ему о ея бытіи. Но, съ другой стороны, и Хомяковъ, своими писаніями, раскрылъ ихъ глаза на многое, что, быть, можетъ, прежде лишь смутно дремало въ нихъ: вывелъ ихъ изъ нѣкоторой косности быта на просторъ яснаго

[64]) Не помогло Хомякову и то обстоятельство, что произведеніе его появилось подъ видомъ перевода съ древней греческой рукописи. М. Филаретъ, какъ извѣстно, „не дался въ обманъ и признавъ ее вполнѣ замѣчательною, выразилъ однакоже мнѣніе, что она писана не грекомъ и не лицомъ духовнаго званія, а свѣтскимъ (Сочиненія Хомякова. Т. 3, стр. 254. Примѣчаніе“). Дѣйствительно, у Хомякова формулировка преобладаетъ надъ самымъ способомъ выраженія, и потому послѣдній кажется нецерковнымъ. Впрочемъ и самъ Хомяковъ, хотя и говоритъ, что его статья „содержитъ исповѣданіе вѣры православной (тамъ же, стр. 161. письмо къ А. Н. Попову)“, а по замѣчанію П. И. Бартенева, послѣдній потому и не присоединилъ свое имя къ этому „выраженію общаго церковнаго ученія (тамъ же, прим. 4-е)“, однако и самъ онъ сознается, что говоритъ тутъ „не какъ христіанинъ, а какъ работникъ науки“ и не скрываетъ, что въ его предисловіи къ этому мнимому переводу есть „и нѣчто раздражающее или гордое (другое письмо къ Попову, тамъ же, стр. 180 и 181)“. То и другое, конечно, должны сильно умалять ея церковность.

сознанія объективной цѣнности ихъ сословныхъ преданій. Если онъ самъ былъ грѣшенъ своего рода рыцарствомъ по отношенію къ Церкви, то своихъ противниковъ онъ навѣрное исцѣлилъ отъ нѣкотораго безсознательнаго панибратства съ ней. Но, въ цѣломъ, это былъ тотъ споръ, который одинъ имѣетъ право на существованіе: споръ двухъ противниковъ, имѣющихъ общій предметъ любви. То была типичная борьба ревности, единственно прекрасная борьба!

Лишь въ самомъ началѣ нашего знакомства съ Хомяковымъ, какъ уже указано, одно, чисто внѣшнее, неблагопріятное обстоятельство, не имѣющее никакого отношенія къ существу дѣла, сообщаетъ этому спору, нѣсколько непріятный тонъ. Причина тому заключается въ личномъ характерѣ споривишихъ: болѣзненно-желчномъ—у нашего П. С. Казанскаго и излишне-стремительномъ—у Хомякова. Но, первый страдалъ печенью [65]), а второй извинялся тѣмъ, что „общество такъ апатично, такъ сонливо, и понятія его покоятся подъ такою толстою корою, что необходимо ошеломлять людей и молотомъ пробивать кору ихъ умственнаго бездѣйствія и безсмыслія“ [66]).—Быть можетъ обоимъ противникамъ лучше было бы не видѣть другъ друга, но какъ разъ Казанскому-то и пришлось столкнуться съ Хомяковымъ еще и лично.

„Въ обществѣ любителей россійской словесности въ Москвѣ, сообщаетъ онъ своему брату архіепископу Платону, Безсоновъ читалъ статью о Духоборцахъ, гдѣ изложилъ ихъ ученіе въ такомъ увлекательномъ видѣ, что многіе сказали: и мы хотимъ быть Молоканами. Статья была полна разныхъ выходокъ противъ духовенства и разсказовъ о дѣйствіяхъ священниковъ, разумѣется корыстныхъ и глупыхъ, и эти разсказы встрѣчены были аплодисментами. Хомяковъ въ заключеніе также говорилъ о духовенствѣ, что оно не способно взять на себя иниціативу въ дѣлахъ цивилизаціи. Однимъ словомъ видно, что и партія защитниковъ стараго порядка и партія преобразователей чувствуютъ, что для ихъ

---

[65]) См. Гр. В. М. Толстой. „Хранилище моей памяти“. „Душепол. Чтеніе“. 1893 годъ, ч. I-я, стр. 248. Еще о характерѣ П. С. см. М. Муретовъ. „Протоіерей С. К. Смирновъ“. Въ сборникѣ „Памяти почившихъ наставниковъ“. Стр. 257—258.

[66]) А. Кошелевъ. „Мои воспоминанія объ А. С. Хомяковѣ“. „Русск. Арх.“ 1879. Т. 3. Стр. 270. (Ср. Соч. Хомякова. Т. 8. Стр. 181).

опоры нужно духовенство, каждая своими мѣрами хочетъ привлечь его на свою сторону и заставить служить ихъ идеямъ. Большого труда мнѣ стоило растолковать, что вѣра Христова съ ея ученіемъ не должна быть орудіемъ только и работнымъ средствомъ цивилизаціи и гражданскихъ идей. Напротивъ цивилизація должна служить къ ея распространенію и утвержденію въ сердцахъ. Какъ высшая потребность души, какъ важнѣйшій долгъ человѣка, она есть главное, и подчинять ее гражданскимъ цѣлямъ, то же, что подчинять душу тѣлу" [67]).

Встрѣча, нужно сознаться, не изъ удачныхъ; но здѣсь необходимо вспомнить, что говорятъ о Хомяковѣ близко его знавшіе: „Многіе, пишетъ Кошелевъ, упрекали его (Хомякова) въ любви къ софизмамъ и спорамъ, и увѣряли, что онъ противурѣчилъ часто самъ себѣ, защищая сегодня то, что онъ отвергалъ наканунѣ". Но, поясняетъ Кошелевъ далѣе, „такой упрекъ показываетъ лишь одно, что люди, позволявшіе его себѣ не вникали въ глубокій смыслъ его словъ. Дѣйствительно, онъ иногда какъ будто противорѣчилъ себѣ: такъ въ бесѣдѣ съ инымн людьми, онъ словно отдѣлялся отъ Православной Церкви, нападая на нѣкоторыя ея обряды, на ея служителей и на подчиненное ея положеніе гражданской власти, и дозволяя себѣ все это даже осмѣивать; въ бесѣдѣ же съ другими лицами, онъ крѣпко отстаивалъ необходимость соблюденія церковныхъ обрядовъ и строго порицалъ тѣхъ, которые, самовольно, или изъ пренебреженія, или изъ личной гордости, позволяли себѣ становиться выше Церкви и не исполнять ея установленій" [68]). Но, вмѣстѣ съ многими, и П. С. не умѣлъ разобраться въ этихъ методологическихъ пріемахъ Хомякова; вотъ почему, впослѣдствіи, его приговоры надъ богословскими писаніями послѣдняго были такими суровыми.

„Почему, Вы спрашиваете, не пишутъ противъ Хомякова?— обращается Казанскій къ своей долголѣтней корреспонденткѣ— А. Н. Бахметевой—1) Считаютъ его менѣе вреднымъ, чѣмъ безбожниковъ, противъ которыхъ ратуютъ. 2) Его сочиненія

[67]) „Проф. П. С. Казанскій и его переписка съ Архіеп. Платономъ". „Богосл. Вѣстн." 1903. Декабрь. Стр. 660—661 (Относится къ 1860 году).
[68]) А. Кошелевъ. Указ. статья. Стр. 269.

отнюдь не считаютъ замѣчательными въ богословскомъ отношеніи. Имѣя передъ глазами западныхъ богослововъ, съ нимъ считаются и борются. Вотъ напримѣръ въ виду предстоящаго на западѣ вселенскаго собора печатается теперь... исторія послѣдняго ихъ вселенскаго собора Тридентскаго, написанная Павломъ Ивановичемъ Горскимъ. Исторія Флорентійскаго Собора, у насъ составленная по поводу обращенія Пія IX къ Восточной Церкви, переведена на англійскій языкъ... А Хомяковъ, изъ отвѣтнаго посланія Восточныхъ Патріарховъ взявшій одно выраженіе, и не упомянулъ объ Исторіи Флорентійскаго Собора, гдѣ разобраны всѣ пункты спорные между Восточною и Западною Церковью. Истинно очи имутъ и не узрятъ, уши имутъ и не услышатъ. Вольно же закрыть глаза и кричать: темно, ничего не видать“ [69]).

Хотя эти строки Казанскаго, по времени, слѣдуютъ за другими, которыя мы приводимъ далѣе, однако въ нихъ чувствуется самое остріе спора,—ревность богослова академика о родной школѣ и богословской наукѣ дѣйствительно какъ бы забытой и обойденной свѣтскимъ богословомъ. Онъ мститъ за это и мститъ слишкомъ жестоко, но примѣры, приводимые имъ въ защиту Академіи—вполнѣ справедливы. Объ „Исторіи Флорентійскаго собора“, составленной нашимъ кандидатомъ И. М. Остроумовымъ [70]), но сильно передѣланной А. В. Горскимъ [71]), англичане писали: „она служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ учености той Церкви и той націи, въ которой неизвѣстный никому студентъ могъ написать сочиненіе съ такими достоинствами, которыя далеко превосходятъ наши окфордскія призовыя сочиненія... Русскій Оксфордъ перещеголялъ англійскій“ [72]).— Въ одномъ только П. С. неправъ: если этого сочиненія и не отмѣтилъ Хомяковъ, то до другихъ свѣтскихъ богослововъ-славянофиловъ, вродѣ И. Кирѣевскаго [73]) и Погодина [74]),

[69]) „Переписка проф. М. Д. Академіи П. С. Казанскаго съ А. Н. Бахметевой („У Троицы въ Академіи“ 1814—1914. Стр. 559)“.

[70]) „Исторія М. Д. Академіи“. Стр. 241 и 174.

[71]) См. письмо къ послѣднему Архіеп. Филарета Гумилевскаго (Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“. Т. 10. Стр. 79).

[72]) „У Троицы въ Академіи“. Стр. 294—295.

[73]) Сочиненія. Т. 2. Стр. 257 (Все это мѣсто должно быть исправлено по указанію проф. Завитневича. „Хомяковъ“. Т. I. Стр. 968. Прим. 2-е).

[74]) „Жизнь и труды Погодина“. Т. 10. Стр. 79—80.

благопріятные слухи о немъ дошли. Что же касается единственнаго мѣста, взятаго Хомяковымъ изъ Посланія Восточныхъ Патріарховъ, то это, конечно, извѣстныя слова; „хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ, который всегда желаетъ сохранить вѣру свою неизмѣнною и согласною съ вѣрою отцовъ его“ [75]). Ставя въ вину Хомякову излишнее подчеркиваніе этихъ словъ, Казанскій подготовляетъ отсюда косвенный переходъ къ защитѣ уже не одной богословской науки, но и всего духовнаго сословія. Послѣднее, какъ легко видѣть, и есть ахилесова пята всего его спора съ Хомяковымъ [76]). „Вступивъ въ сношеніе съ духовными, продолжаетъ онъ, Вы конечно могли убѣдиться, что они не такіе невѣжды, чтобы не понимали ни ученія своей церкви, ни современныхъ вопросовъ“ [77]), „Хомяковъ, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, говоритъ, что на его глазахъ росло православіе не смотря на всѣ неблагопріятные обстоятельства. Но оно не могло расти безъ трудовъ и усилій духовенства. Вліяніе его можетъ быть для иныхъ неизвѣстно, но оно какъ воздухъ проникаетъ атмосферу общества, невидимое даетъ ему характеръ и пищу для дыханія... Хомяковъ свидѣтельствуетъ о вліяніи его на общество... Не обратилъ онъ Пальмера, но священники пріобрѣли Гэте, который теперь хочетъ издавать церковную исторію въ

---

[75]) „Окружное Посланіе Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ“. М. 1850. § 17 (Стр. 37). См. относящіяся сюда слова Хомякова: „Въ наше время явился было въ силѣ полуримскій іерархизмъ, и вотъ церковное слово сокрушило его навсегда (Сочиненія. Т. 8, стр. 129)“. См. также письмо къ нему Ю. Ѳ. Самарина (Сочиненія Самарина. Т. 12. Стр. 426—428).

[76]) Вообще это любимая тема П. С—ча. „Въ моихъ запискахъ, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ Бахметевой, много Вы найдете замѣтокъ въ защиту духовенства. Но не думайте чтобы я считалъ его сословіемъ удовлетворяющемъ своему назначенію. Видимъ мы близко всѣ недостатки своего сословія съ верху до низу, и въ управленіи и въ дѣйствіи, и въ воспитаніи. Но и по опыту, и по соображенію чувствуемъ, что мѣры, которыя предпринимаются теперь, служатъ не къ улучшенію его, а къ разстройству (Тамъ же. Стр. 530—531, 19 февр. 1868 г.)“. Въ другомъ письмѣ онъ хочетъ подчеркнуть свою личную незаинтересованность въ этомъ дѣлѣ и свою объективность въ сужденіи о немъ. „Мы не имѣемъ, пишетъ онъ, основанія думать, чтобы насъ причислили къ фанатикамъ, мы къ духовному званію принадлежимъ почти только мѣстомъ службы (стр. 533)“.

[77]) „Переписка съ Бахметевой“. Стр. 559.

8-ми томахъ. Мнѣ странно показалось, что Хомяковъ и не думаетъ защищаться противъ обвиненій нашего духовенства въ равнодушіи къ дѣламъ вѣры, къ распространенію Евангелія. Онъ былъ таки знакомъ съ духовными. Вѣрьте, что у насъ зорко слѣдятъ за всякимъ явленіемъ религіозной жизни; дѣлаютъ то, что могутъ и дѣлаютъ тихо; ибо шумомъ все испортишь. Связанные по рукамъ и ногамъ опекою, которой не желаютъ и не просятъ, лишенные средствъ бьются духовные сколько могутъ [78]).

Наряду съ такими разбросанными замѣчаніями, у П. С. есть и опытъ постраничной критики мнѣній Хомякова, но на немъ мы не будемъ останавливаться подробно, тѣмъ болѣе, что онъ не пошелъ дальше разбора предисловія къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова, написаннаго къ тому же не Хомяковымъ, а Самаринымъ. Отмѣтимъ лишь нѣсколько мѣстъ, гдѣ споръ носитъ явные слѣды непониманія и, въ свою очередь, ведетъ къ недоумѣннымъ вопросамъ. „Преданность Хомякова Церкви, замѣчаетъ Казанскій, доказываетъ г. Самаринъ тѣмъ, что онъ хранилъ посты. Но имѣлъ ли онъ покорность Церкви въ сердцѣ, въ мысли? Раскольники самые строгіе хранители постовъ, а живутъ внѣ церкви“ [79]). Но Хомякову, думается, можно задать какъ разъ противоположный вопросъ: видѣлъ ли онъ въ постахъ, что нибудь *больше* простого подчиненія уставамъ Церкви?— „Хомяковъ, приводитъ онъ далѣе слова Самарина, представлялъ явленіе полнѣйшей свободы въ религіозномъ сознаніи... Но Хомяковъ, возражаетъ онъ, зналъ догматы; онъ въ сущности далеко не отличался свободой религіознаго сознанія“ [80]). Если такъ, то вѣдь это, вмѣстѣ съ тѣмъ, прямой отвѣтъ на предыдущій вопросъ Казанскаго: имѣлъ ли Хомяковъ покорность Церкви въ *мысли*. Онъ самъ, не замѣчая того, признаетъ послѣднее.

Но, вотъ слова, подтверждающія другую нашу мысль, что и Хомяковъ съ его философіей Церкви необходимъ тѣмъ, кто хочетъ довольствоваться однимъ непосредственнымъ знаніемъ ея. „Хомяковъ, говоритъ Казанскій, упрекалъ англи-

---

[78]) Тамъ же. Стр. 544.

[79]) Тамъ же. Замѣчаніе къ стр. XVII предисловія.

[80]) Тамъ же,—къ стр. XX.

чанъ, что они отъ папизма не могутъ отдѣлаться; то же и съ нимъ было... *Только изъ католичества онъ могъ позаимствовать то благоговѣніе къ церкви, которымъ проникнуты всѣ его сочиненія*“ [81]). Но за что же тогда ратуетъ П. С.? Если у самой православной Церкви нѣтъ средствъ вызвать къ себѣ благоговѣніе, то на что можетъ расчитывать онъ со своимъ слабымъ словомъ?—Поистинѣ, въ рукахъ Бога, и вѣчевой колоколъ бываетъ благовѣстомъ, когда церковный звонарь засыпаетъ на своемъ высокомъ посту!

Впрочемъ, кончаетъ Казанскій свои размышленія надъ Хомяковымъ въ болѣе спокойномъ тонѣ. „Не смотря на все это, пишетъ онъ, съ удовольствіемъ читалъ и прежде и теперь прочелъ вполнѣ его труды. Для свѣтскаго человѣка, заставшаго еще броженіе умовъ, бывшее въ двадцатыхъ годахъ, самоучкою изучавшаго родную вѣру, очень много добраго и истиннаго въ его ученіяхъ. Церковь не даетъ ему титла, даваемаго г. Самаринымъ, но будетъ молить Господа Бога о прощеніи грѣховъ его невѣдѣнія и анаѳемы какъ ересіарху не провозгласитъ. Ищущій истины всегда достоинъ уваженія. Очевидно Хомяковъ, славянофилъ, жилъ и воспитывался подъ вліяніемъ Запада; изъ западныхъ матеріаловъ строя православіе, онъ думалъ, что идетъ новымъ путемъ. Надъ идеями религіозными царитъ у него идея философская. Шеллинговая философія откровенія очевидно давала ему связующій цементъ при его стройкахъ изъ западныхъ матеріаловъ. Естественно спросите: такъ что же такое православіе? Гдѣ ему учиться? И я укроюсь отъ этого вопроса подъ защиту Шеллинга и повторю слова, которыми онъ отрекшись отъ прежней системы послѣ долгаго молчанія началъ свои лекціи: цѣль движеній есть покой, цѣль знанія есть незнаніе“ [82])...

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ даетъ и образецъ такого незнанія: „Признаюсь, пишетъ онъ, я лично не придаю особой важности ученію объ исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына. Ученіе о Св. Троицѣ осталось неприкосновеннымъ; сдѣлана попытка разумомъ пополнить неразрѣшимое для разума. Это тотъ же путь, которымъ идетъ и Хомяковъ“ [83]).

[81]) Тамъ же (курсивъ нашъ—Ѳ. А.).

[82]) Тамъ же.

[83]) Тамъ же. Стр. 548.

Тогда за что же онъ такъ рѣшительно нападалъ на послѣдняго, если вся вина его сводится къ подобной же попыткѣ освѣтить разумомъ нѣкоторые изъ догматовъ своей Церкви. Казанскій чувствуетъ, что увлекся, и выноситъ окончательный приговоръ Хомякову уже совершенно въ примирительномъ духѣ: „Въ субъективномъ чувствѣ вѣры, говоритъ онъ, Хомяковъ находитъ успокоеніе при уклоненіяхъ своей мысли. Сердцемъ преданный церкви онъ думаетъ, что не грѣшитъ противъ нея, когда отвергаетъ ея ученіе. Подобныя противорѣчія уживаются въ душахъ пылкихъ. Блаженный Августинъ въ сочиненіяхъ своихъ, относящихся къ послѣднему періоду жизни, проповѣдывалъ строгое предопредѣленіе Божіе независимое отъ воли человѣка. Монахи нѣкоторыхъ обителей писали ему, что его ученіе внушаетъ отчаяніе; къ чему они трудятся если они въ числѣ назначенныхъ къ погибели. Августинъ напротивъ находилъ покой въ своемъ ученіи. Буря сомнѣній и страстей въ немъ улеглась уже, онъ чувствовалъ миръ въ душѣ,— это было для него залогомъ спасенія; но для тѣхъ, которые еще боролись со страстями и сомнѣніями, его ученіе имѣло иное значеніе. Сердце вѣрило у Августина. Умъ заблуждалъ; то же и у Хомякова. Миръ ему“ [84]).

Такова эта первая, нѣсколько печальная, страничка въ исторіи отношеній нашей Академіи къ Хомякову, и, хотя первоначальная рѣзкость этой сцены сгладилась уже въ границахъ ея собственнаго развитія, однако ее все же слѣдуетъ выдѣлить изъ общей исторіи нашихъ отношеній къ славянофиламъ. Хотя П. С. и говоритъ о себѣ почти всегда во множественномъ числѣ, тѣмъ не менѣе, у него нѣтъ всецѣлаго единомышленника въ академической средѣ. Очень многіе тамъ, какъ мы уже замѣтили, согласятся съ отдѣльными пунктами его апологіи, но мы не знаемъ, кто бы рѣшился раздѣлить съ нимъ его суровые приговоры въ томъ видѣ, какъ они первоначально сорвались съ его языка. —Въ такомъ случаѣ, не лучше ли было бы и вовсе ихъ не вспоминать, оставивъ все дѣло на совѣсти самого П. С—ча? —На это мы не рѣшились въ виду той роли, какую П. С. игралъ въ свое время въ московскомъ обществѣ. „Почтен-

[81]) Тамъ же. Стр. 548—549.

ные серьезные люди, пишетъ, не безъ горечи, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ объ этомъ московскомъ обществѣ, интересуются мнѣніемъ Троицкимъ, замѣчаютъ о тамошнихъ убѣжденіяхъ, и размышляютъ о нихъ. Въ гостинной говорятъ, что Петръ Симонычъ Казанскій, въ разговорѣ съ Бахметевой, сказалъ то-то и обнаружилъ такое-то историческое убѣжденіе. „Нѣтъ“, говорятъ другіе, „онъ совсѣмъ сказалъ не то; онъ сказалъ вотъ что и вотъ что, его убѣжденія вотъ какія и т. д.“ [85]).

Если такъ, то возможно, что и приведенныя сужденія Казанскаго о Хомяковѣ, высказанныя, къ тому же, именно Бахметевой, были подхвачены тѣмъ же обществомъ, какъ выраженіе мнѣнія о немъ всей Академіи. Конечно, исправлять ошибку тогдашняго московскаго общества уже поздно, но, думается, что въ исторіи отношеній нашей Академіи къ славянофильской Москвѣ, въ виду указаннаго значенія П. С—ча, его участіе въ этой исторіи должно быть отмѣчено, хотя и какъ частный, но крупный фактъ.

Другимъ, гораздо болѣе академическимъ противникомъ Хомякова, былъ А. В. Горскій. Еще за два года до разсказанной выше личной встрѣчи Казанскаго съ Хомяковымъ, ему пришлось въ одномъ частномъ письмѣ высказаться по вопросу о правѣ участія мірянъ въ рѣшеніи догматическихъ вопросовъ. Какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ біографовъ его, письмо это послѣдовало въ отвѣтъ на запросъ Т. И. Филиппова [86]) о французскихъ брошюрахъ Хомякова, гдѣ послѣдній, по мнѣнію Т. И., выступаетъ именно въ такой роли свѣтскаго догматиста. Въ отвѣтномъ письмѣ, Горскій имени Хомякова не упоминаетъ и ограничивается лишь нѣсколькими историческими справками. Конечный выводъ его такой: „Утверждающіеся на словѣ Божіемъ и общемъ преданіи церковномъ догматы церковь не воспрещала изъяснять, на пользу вѣрнымъ, въ своихъ сочиненіяхъ и мірянамъ; но требовала, чтобы это дѣлалось съ ея вѣдома и

---

[85]) Письмо къ В. Д. Кудрявцеву-Платонову („Русск. Обозр.“ 1897. Т. 46. Стр. 715).

[86]) Отъ 25 ноября 1858 года. См. Свящ. П. Постниковъ. „Очерки жизни и дѣятельности А. В. Горскаго („У Троицы въ Академіи“. Стр. 312—313)“. Слѣдующая выписка изъ отвѣтнаго письма А. В. Горскаго („Русск. Обозр.“ 1896. Т. 37. Стр. 273).

одобренія. Установленіе духовной цензуры не новое учрежденіе въ православной церкви". Вообще все письмо написано спокойно и безъ осужденія.

Непосредственнымъ противникомъ Хомякова Горскій выступилъ лишь много лѣтъ спустя. Однако, по складу своего мышленія, онъ уже настолько былъ близокъ къ тому окончательному, примирительному, взгляду на Хомякова, который установился у насъ впослѣдствіи, что, думается, не будь Казанскаго, который всячески старался настроить его враждебно по отношенію къ великому славянофилу, А. В., по своей иниціативѣ, не написалъ бы и тѣхъ немногихъ строкъ о немъ, которыя сохранились отъ него и вызвали отвѣтныя строки со стороны одного изъ сыновей Хомякова. Если мы вѣрно располагаемъ свидѣтельства того времени, исторія вліянія на него П. С—ча рисуется съ такомъ видѣ: „Вчера, пишетъ онъ Бахметевой спросилъ я Александра Вас. Горскаго: „читали ли Вы Хомякова"?—„Читалъ".—„Какое впечатлѣніе произвело чтеніе?"—„Ихъ православіе не то, какъ мы его знаемъ и понимаемъ. Вездѣ видно стремленіе, если не отвергнуть, то унизить значеніе іерархіи. Видно теплое чувство, теплое сердце, но также видно, что человѣкъ имѣлъ самыя поверхностныя свѣдѣнія о догматахъ Православной церкви. Самаринъ человѣкъ умный и странно, какъ могъ онъ Хомякова назвать учителемъ церкви. Вотъ, заключаетъ Казанскій, отзывъ ученаго, изучившаго всю греческую и латинскую литературу церковную, и знакомаго со всѣми новѣйшими трудами по Богословію и церковной исторіи" [87]).

Затѣмъ, очевидно, послѣдовали просьбы со стороны П. С—ча изложить письменно то, что Горскій сказалъ ему на словахъ. (Надо впрочемъ сознаться, что самый слогъ Горскаго, въ передачѣ П. С—ча, оказывается до мелочей сходнымъ съ его собственнымъ: по содержанію же это—простой синтезъ того, о чемъ онъ самъ писалъ Бахметевой).

„А. В. Горскій, сообщаетъ онъ ей въ другомъ письмѣ, поѣхалъ въ Петербургъ на юбилей тамошняго университета. Началъ онъ писать замѣчанія на Хомякова. Планъ его былъ прослѣдить отдѣльно каждое сочиненіе. Но теперь думаетъ измѣнить его и изложить въ одной статьѣ мысли Хомякова,

[87]) „Переписка". Стр. 549 („Вчера"—16 ноября 1868 года).

противопоставивъ имъ православное ученіе, и потомъ уже разобрать частности. Хомяковъ не высказывается прямо ни въ одномъ сочиненіи вполнѣ. Нужно собрать разсѣянныя черты его ученія и тогда яснѣе будетъ его неправомысліе и неправославіе, замаскированное, часто недомолвками. Я особенно настаивалъ на необходимости подобнаго изложенія, иначе будутъ говорить, что Хомякова не поняли, что ему навязываютъ такія мысли, какихъ у него нѣтъ. Тогда дѣло яснѣе будетъ“ [88]).

Послѣ того, повидимому, были получены самыя замѣтки Горскаго.—П. С. настаиваетъ на напечатаніи ихъ; авторъ колеблется.

„Что сказать о замѣткахъ на книгу Алексѣя Степановича Хомякова?—пишетъ онъ Казанскому. Указаны въ ней (sic) нѣкоторыя, очень рѣзко выдающіяся мѣста, но немного, и не всѣ одинаково важныя, и не рѣдко,—или лучше, почти вездѣ—безъ доказательствъ. Что же за польза въ такомъ видѣ печатать. Не будетъ ли это показывать, что защитники православія не въ состояніи сказать что-либо поважнѣе противъ мудрости Хомякова?“

„Прочиталъ я книгу его; мнѣ не представилось, чтобы Хомяковъ хотѣлъ быть провозвѣстникомъ какой-нибудь философской теоріи подъ личиною христіанства. Это не высказывается ни въ опубликованныхъ имъ статьяхъ, ни въ письмахъ интимныхъ, по смерти его изданныхъ... Въ его любомудріи богословскомъ всего яснѣе сказывается одно чувство—свободы. Ему ни власть, ни законъ, ни символъ—ничто не препятствуй. Любовію, свободно хочетъ онъ покаряться Евангелію, но и въ этой покорности онъ не перестаетъ себя чувствовать и считать свободнымъ“ [89]).

Но П. С—ча интересуетъ не общая оцѣнка философіи Хомякова, а все тотъ же фактъ невнимательнаго отношенія послѣдняго къ духовенству. На этомъ, дѣйствительно существенномъ, пунктѣ разногласія, онъ хочетъ остановить вниманіе и Горскаго.

---

[88]) Тамъ же. Стр. 552. (4 февраля 1869 года).

[89]) См. А. А. Спасскій. „Изъ архива А. В. Горскаго. II. Замѣчанія Горскаго на богословскія сочиненія Хомякова („Богосл. Вѣстн.“ 1900. Ноябрь. Стр. 519).

„Вотъ что полагаю нужнымъ замѣтить пишетъ, онъ ему. Вы говорите о таинствахъ, а не упомянули о миропомазаніи, въ ученіи о которомъ особенно погрѣшаетъ Хомяковъ, давая ему значеніе, такъ сказать, благодати священства для всѣхъ христіанъ... Чтобы яснѣе видѣть мысли Хомякова, слѣдуетъ перечитать всѣ его статьи. Нужно отрѣшиться совсѣмъ отъ нашихъ понятій о Церкви, чтобы стать на точку зрѣнія Хомякова... У него и видимая Церковь, т. е. общество собственно христіанъ, опредѣляется, (какъ) Духъ Божій и благодать таинствъ... Если Вы не находите того ученія о Церкви, какое я приписываю Хомякову, все же не излишне бы предположить возможнымъ, и сказать нѣсколько словъ противъ подобнаго пониманія Церкви... Но не опустите сказать о миропомазаніи—по моему это существенный пунктъ въ мнѣніяхъ Хомякова... Очень радъ, что Вы рѣшились сопоставить здравое ученіе съ ученіемъ фантазіи“ [90]).

Но, Горскій, повидимому, расположенъ говорить не о возможномъ, а о дѣйствительномъ Хомяковѣ, хотя и согласенъ съ мнѣніемъ Казанскаго о таинствѣ миропомазанія.

„Усерднѣйше благодарю, отвѣчаетъ онъ, за добрыя мысли, поданныя мнѣ для полемики... Что миропомазаніе есть усвоеніе всякимъ христіаниномъ правъ духовнаго священства,—по указанію Откровенія,—этой мысли придерживаюсь и я. Но не простираю и до выводовъ въ пользу готовности каждаго къ исполненію обязанностей церковнаго священства. Нужно же, чтобы слова Апокалипсиса имѣли свой смыслъ... Еще разъ благодарю за искреннія указанія. Не въ томъ любовь и братство, чтобы на да отвѣчать да, на ни—ни“ [91]).

Но, уже то самое, что Горскій упоминаетъ о братствѣ, указываетъ, что въ немъ ученіе Хомякова найдетъ болѣе благожелательнаго судью. Такъ это и оказывается изъ разсмотрѣнія „Замѣчаній А. В. на богословскіе труды Хомякова“.— Эти замѣтки уже достаточно извѣстны, и непосредственно и черезъ отвѣтныя возраженія Д. А. Хомякова, поэтому мы на нихъ не будемъ останавливаться подробно. Лишь для

---

[90]) Тамъ же. Стр. 517—518 (Мы отступаемъ отъ порядка писемъ, предлагаемаго А. А. Спасскимъ, но послѣдній и самъ на немъ не настаиваетъ).

[91]). „Переписка съ Архіеп. „Платономъ“. „Богосл. Вѣсти.“ 1903. Май. Стр. 116.

характеристики общаго ихъ тона, прямо противоположнаго тому, котораго придерживается Казанскій, приведемъ нѣсколько словъ „вступленія“ къ нимъ.

„Въ разсматриваемыхъ богословскихъ статьяхъ Хомякова, пишетъ Горскій, весьма рѣдко приводятся слова Писанія или слова отцовъ Церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что глубокимъ воззрѣніемъ на предметы христіанской вѣры онъ обязанъ весьма обширному, продолжительному и добросовѣстному изученію Слова Божія и писаній отеческихъ, и не только этому, но и внутреннему практическому усвоенію истины Христовой сердцемъ и жизнью. Тѣмъ не менѣе должно согласиться, что въ изложеніи мыслей автора значительное участіе принимала и переработывающая, своеобразно все измѣняющая и подъ вліяніемъ философіи увлекающаяся нѣкоторыми своими идеями сила собственнаго его разсужденія“ [92]).

На послѣдній пунктъ Д. Х. въ своемъ отвѣтѣ не обратилъ вниманія, но зато онъ чутко уловилъ основную тенденцію всей нашей академической полемики съ Хомяковымъ, которая, какъ уже указано, сводилась почти исключительно къ защитѣ правъ іерархіи, въ противовѣсъ другой крайности—недооцѣнкѣ ея значенія, и показалъ, что уклонъ въ сторону прямо противоположную можетъ, въ свою очередь, повести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Если за міряновластіемъ стоитъ, несомнѣнно, призракъ протестантизма, то стремленіе все свести къ одной іерархіи грозитъ папизмомъ. „Для Горскаго, говоритъ онъ, соборъ есть высшій іерархическій институтъ, обладающій непогрѣшимостью вслѣдствіе состава своего изъ іерарховъ, а не мірянъ. На этомъ пунктѣ особенно ясно обличается присущее ему внутреннее желаніе монополизировать непогрѣшимость за іерархіею“ [93]). Послѣднее, поясняетъ Д. Х., и есть папизмъ. „Латиняне, говоритъ онъ, въ своемъ взглядѣ на іерархію гораздо послѣдовательнѣе тѣхъ православныхъ богослововъ, которымъ предносятся чисто латинскія понятія о іерархіи; но, которые,

---

[92]) „Замѣчанія Горскаго“. Стр. 511.

[93]) (Д. Х.) „О замѣчаніяхъ А. В. Горскаго на богословскія сочиненія А. С. Хомякова“. М. 1902. Стр. 27. (И при 2-мъ томѣ „Собранія сочиненій Хомякова“).

именно по своему православію, не рѣшаются основывать таковое на положеніяхъ, не имѣющихъ почвы ни въ писаніи, ни въ преданіи“ [94]).

Неизвѣстно, что бы отвѣтилъ на всѣ эти возраженія Горскаго и Казанскаго самъ Хомяковъ, но, думается, нѣкоторое, вполнѣ понятное раздраженіе его противъ оффиціальныхъ представителей Церкви и богословской науки, мѣшавшихъ ему въ распространеніи его идей, легко могло быть перенесено имъ и на нашу школу. „Лучше выразиться, пишетъ онъ Кошелеву, и болѣе христіанское понятіе имѣть о Церкви нельзя, чѣмъ ты выразился въ концѣ перваго письма своего: „Церковь не академія: она охватываетъ всего внутренняго человѣка и стремится все тайное въ немъ проявить въ мірѣ для Божіей славы. Важнѣйшее въ человѣкѣ не чувство, не знаніе, но дѣло—т. е. крестное исповѣданіе Христа“ [95]). Правда, въ другомъ письмѣ онъ надѣется что академіи (московская или кіевская) будутъ его союзницами въ борьбѣ противъ схоластики Макарія, но надежду свою основываетъ на весьма невысокихъ побужденіяхъ, которыя предполагаетъ въ послѣднихъ [96]). Впрочемъ, подобныя свидѣтельства Хомякова не надо и переоцѣнивать: раздраженіе, конечно, могло быть, но Хомяковъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы въ нужныхъ случаяхъ умѣть оставаться вполнѣ объективнымъ и даже благожелательнымъ и къ духовенству вообще и къ нашей духовной школѣ въ частности.—Это видно въ особенности изъ отношенія его къ отдѣльнымъ ея питомцамъ.

Не знаемъ, кто еще изъ дѣйствительныхъ членовъ корпораціи, кромѣ Казанскаго, зналъ Хомякова лично, по есть одинъ изгнанникъ Академіи (не ею, конечно, изгнанный), которому суждено было довольно близко сойтись съ послѣднимъ. Мы говоримъ о Н. П. Гиляровѣ-Платоновѣ. Хотя онъ вынужденъ былъ рано покинуть академическую каѳедру, но, думается, что внѣшняя причина, оторвавшая его отъ Академіи, не могла порвать связей болѣе глубокихъ. Случалось, правда, что горечь обиды заставляла его произносить и горькія слова по адресу послѣдней, но и они высказыва-

---

[94]) Тамъ же. Стр. 26.
[95]) Сочиненія. Т. 8. Стр. 129.
[96]) Тамъ же. Стр. 181.

лись академическимъ же друзьямъ его [97]). Онъ хорошо отзывается объ Академіи въ своихъ позднихъ „Воспоминаніяхъ“ [98]), и по удаленіи изъявляетъ „искреннюю готовность служить“ ей [99]). Съ другой стороны, и самъ онъ, для московскаго общества, былъ неотдѣлимъ отъ той среды, съ которой внѣшне порвалъ связь [100]).

Поэтому говоря объ отношеніяхъ такого человѣка къ Хомякову, мы, хотя и расширяемъ нашу тему, однако не выходимъ изъ ея границъ. Между тѣмъ отношенія эти достойны того, чтобы быть отмѣченными. Неизвѣстно, подъ вліяніемъ ли Хомякова, или независимо, но Гиляровъ Платоновъ самъ оказался въ числѣ славянофиловъ. Впрочемъ, хотя Хомяковъ, по его собственному признанію, считалъ его „единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ признавалъ полное свое согласіе“ [101]), его славянофильство не совсѣмъ „чистое“ [102]), онъ скорѣе можетъ быть названъ руссофиломъ. „Я говорю: Россія и Русскій народъ, пишетъ онъ О. А. Новиковой, или лучше *Россія* (страна) и *Русь*

---

[97]) См. напр. уже упомянутое письмо его къ Кудрявцеву-Платонову или къ бывшему его слушателю Н. Ѳ. Глѣбову (Кн. Н. Шаховской. „Обстоятельства оставленія Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ службы въ Московской Духовной Академіи“. „Русск. Обозр.“ 1895. Т. 34. Августъ. Стр. 557—559). О друзьяхъ его изъ Академіи см. въ „Годахъ службы (Тамъ же. 1897. Т. 46. Іюль. Стр. 170 и сл.)“.

[98]) „Изъ пережитого“. Кн. 2-я. Стр. 347 („Академіи моя вѣчная признательность и т. д.“). Однажды онъ правда пропустилъ статью, дурно отзывавшуюся о духовныхъ академіяхъ, но немедленно же печатно ее опровергъ („Годы службы...“ „Р. О“, 1897, т. 47, стр. 741 и 751).

[99]) См. письмо его къ А. Горскому („Русск. Обозр.“ 1896. Декабрь. Стр. 999).

[100]) „Не вѣрю я, пишетъ Погодину Ап. Григорьевъ, въ вашего Гилярова, купно съ его пятью тысячами поповъ („Жизнь и труды Погодина“. Т. 18. Стр. 430)“. Самъ Погодинъ писалъ Гилярову: „Семинарія и Филаретъ оставили также печать на вашемъ образѣ дѣйствій и на рѣчи („Русск. Обозр.“ 1896. Декабрь. Стр. 995. Записка его подъ № 5)“. Ср. также письмо къ нему А. Д. Желтухина (Тамъ же. 1897 годъ. Т. 48. Стр. 528—529).

[101]) См. письмо Гилярова къ кн. Шаховскому. „Русск. Арх.“ 1889. Т. 3. Стр. 267. То же въ письмѣ къ И. Ѳ. Романову (Рцы). См. біографическій очеркъ Гилярова при I-мъ томѣ его Сборника сочиненій (стр. VI, примѣчаніе).

[102]) Письмо Гилярова къ неизвѣстному. „Русск. Архивъ“. 1890. Т. I. Стр. 319.

(народъ). Я только ихъ противопоставляю Англосаксамъ и никакъ не Славянъ. Въ этомъ я расхожусь со своими старыми друзьями, славянофилами, и моей душѣ противна сентиментальность по отношенію къ нашимъ братьямъ... Прочіе славянскіе народы планеты передъ солнцемъ Россіею, или луна передъ землею. Если хотятъ сохранить свое бытіе они должны тяготѣть къ Россіи и держаться за нее, хотятъ вырваться, пускай: на свою погибель" [103]).

Конечно, такая разница взглядовъ не могла помѣшать добрымъ отношеніямъ, установившимся между нимъ и Хомяковымъ. Самъ онъ послѣдняго чтилъ глубоко. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ онъ въ своей извѣстной рѣчи вскорѣ послѣ кончины Хомякова. Но впослѣдствіи, когда онъ познакомился съ его „записками по всемірной исторіи", вотъ что онъ писалъ Самарину: „Чрезвычайно гадка мнѣ показалась моя собственная рѣчь... Я судилъ о Хомяковѣ по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя оставили мнѣ личныя сношенія съ нимъ, частью печатныя сочиненія. Но я конечно слишкомъ мало его зналъ (т. е. сравнительно съ людьми ближайшими, напримѣръ вы [104]), а потомъ я совсѣмъ не читалъ прежде „Семирамиды". Теперь, какъ я прочиталъ этотъ отрывокъ, онъ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто я взглянулъ въ отверстіе колодезя, чрезвычайно глубокаго и даже страшнаго. Послѣ этого мое изображеніе Хомякова показалось мнѣ такою пошлостью; что, просто, становится стыдно и даже боязно, не подбавлю ли я, съ своей стороны, еще матеріяла къ составленію фальшиваго и отчасти оскорбительнаго сужденія о покойномъ" [105]). Вмѣстѣ съ Самаринымъ перевелъ онъ на русскій языкъ и тѣ богословскія сочиненія Хомякова, съ которыми приходится считаться нашей Академіи.

---

[103]) „Н. П. Гиляровъ-Платоновъ—О. А. Новиковой". „Русск. Вѣсти." 1901 г. Декабрь. Стр. 475. (Отъ 12 дек. 1885 г.).

[104]) Для постороннихъ людей Гиляровъ казался все же достаточно близкимъ къ Хомякову человѣкомъ. Послѣ смерти послѣдняго нѣкоторые въ числѣ другихъ лицъ имѣли въ виду поручить ему заботы о дѣтяхъ покойнаго (см. письмо Шевырева къ Погодину у Барсукова, т. 17, стр. 447).

[105]) „Русск. Архивъ". 1901 г. Т. I, стр. 175. Ср. письмо его къ И. С. Аксакову („Русск. Обозр." 1896. Декабрь. Стр. 1005).

Были у Хомякова и еще друзья изъ числа питомцевъ нашей Академіи. Къ числу ихъ принадлежатъ два извѣстныхъ московскихъ протоіерея: бывшій нашъ баккалавръ о. Г. П. Смирновъ-Платоновъ [106]) и о. А. М. Иванцовъ-Платоновъ [107]) и скончавшійся въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія извѣстный настоятель Казанскаго собора въ Петроградѣ—о. А. А. Лебедевъ. По словамъ знавшихъ послѣдняго о. Александръ свидѣтельствовалъ, что еще студентомъ нашей Академіи онъ познакомился въ Москвѣ съ Хомяковымъ, который „оказывалъ на него неотразимое вліяніе не только общимъ своимъ идеальнымъ настроеніемъ, уваженіемъ и безкорыстною любовью къ добрымъ завѣтамъ православной Руси, но и своимъ глубокимъ богословствованіемъ“ [108])...

Этихъ свидѣтельствъ, полагаемъ мы, достаточно для того, чтобы видѣть, что благопріятныя условія для будущаго идейнаго сближенія нашей Академіи съ Хомяковымъ были заложены еще во дни самого Хомякова. Послѣдующіе годы, въ свою очередь, богаты свидѣтельствами о неизмѣнно продолжающемся сближеніи, но мы не будемъ собирать ихъ, такъ какъ тамъ вопросъ идетъ уже не объ отношеніяхъ, какъ таковыхъ, а объ изученіи и усвоеніи богословскихъ воззрѣній Хомякова [109]). Конечно вмѣстѣ съ такимъ изученіемъ мѣнялись внутренно и самыя отношенія, но, во-первыхъ, мы говоримъ преимущественно о внѣшнемъ въ этихъ отношеніяхъ, а, во-вторыхъ, уследить за всѣми этими оттѣнками нѣтъ возмож-

---

[106]) О немъ см. „У Троицы въ Академіи“. Стр. 222—223.

[107]) О его „личной преданности Хомякову“ свидѣтельствуетъ П. С. Казанскій (тамъ же, стр. 560). Но вообще его славянофильскія симпатіи конечно, извѣстны.

[108]) См. И. П. „Вѣнокъ на свѣжую могилу въ Бозѣ почившаго настоятеля Казанскаго собора протоіерея Александра Алексѣевича Лебедева“. „Церковный Вѣстникъ“. 1898 г. № 14. Стр. 497. Ср. выше, въ наст. № журнала примѣчаніе на стр. 413 при его перепискѣ съ о. Ф. Бухаревымъ.

[109]) Надъ сочиненіями Хомякова работали: студентъ 38 курса И. Миловскій: „„Богословскія воззрѣнія А. С. Хомякова (въ рукописномъ отзывѣ проф. Е. В. Амфитеатрова говорится, что авторъ обнаружилъ „не только уваженіе, но и сочувствіе къ разсматриваемымъ мнѣніямъ“ и что сочиненіе его „можетъ быть признано *очень хорошимъ*)“, студентъ 68 курса А. Аболенскій: „Религіозно-философскія воззрѣнія Алексѣя Степановича Хомякова (подъ руководствомъ проф. С. С. Глаголева, отзывы въ Журн. Совѣта за 1913 г., стр. 173—180)“ и студентъ 70 курса В. Херсонскій: „Этико-соціальная теорія А. С. Хомякова (проф. М. М. Тарѣеву)“.

ности, и лишь подводя итоги видно, какъ сильно измѣнился взглядъ нашего академическаго богословія на „свѣтскія“ мнѣнія Хомякова. Полнаго пріятія, впрочемъ, нѣтъ и сейчасъ [110]), но, какъ мы уже отмѣтили, его и не должно быть по существу: взгляды Хомякова, несмотря на всю ихъ глубину, нѣсколько односторонни: Академія должна охранять то, что у послѣдняго не получило достаточнаго признанія. Есть Церковь невидимая, но есть и видимая; есть народъ, но есть и клиръ: ни одна изъ соотносящихся между собою сторонъ не должна быть возвышаема въ ущербъ другой. Это не значитъ, что нужно вѣчно враждовать, но это напоминаетъ о необходимости постояннаго духовнаго бодрствованія. Хомяковъ и Академія это—два безсмѣнныхъ стража у церковныхъ Вратъ.

---

Обращаясь теперь отъ Хомякова къ третьей славянофильской семьѣ—Аксаковымъ, мы снова сходимъ съ почвы принципіальной и возвращаемся къ отношеніямъ болѣе непосредственнымъ. Но эта непосредственность далеко не та, о которой шла рѣчь выше, въ замѣткахъ о семьѣ Кирѣевскихъ. Тамъ, въ содружество внутренно единомышленныхъ работниковъ на Божьей нивѣ—старѣйшаго славянофила и нашихъ богослововъ, вмѣшался непрошенный посредникъ, омрачившій эти отношенія, здѣсь, напротивъ, самое сближеніе обусловлено однимъ великимъ посредничествомъ. Мы говоримъ о преподобномъ Сергіи. Этотъ небесный ректоръ нашей Академіи есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и таинственный патронъ рода Аксаковыхъ.

Сильно хотѣлось имѣть внука старому Степану Михайловичу Багрову, разсказывается въ ихъ „Семейной хроникѣ“, но Богъ послалъ ему внучку. Покорился старикъ, но надежды не теряетъ. Время между тѣмъ идетъ, и у невѣстки снова ожидается прибавленіе семейства. Степанъ Михайловичъ уже не можетъ скрыть своего безпокойства. Что если опять внучка! Но вотъ онъ слышитъ отъ одной старой сосѣдки такой разсказъ: „проѣзжая черезъ Москву, ѣздила

---

[110]) Очень показательной въ этомъ отношеніи является недавняя полемика проф. арх. Иларіона съ Д. А. Хомяковымъ, которая будетъ воспроизведена при слѣдующемъ изданіи 2-го тома сочиненій А. С. Хомякова.

она молиться Богу къ Троицѣ, къ великому угоднику Сергію, и слышала тамъ, что какая-то одна знатная госпожа, у которой все родились дочери, дала обѣщанье назвать перваго ребенка, если онъ будетъ мальчикъ, Сергіемъ, и что точно, черезъ годъ, у нея родился сынъ Сергій. Степанъ Михайловичъ, разсказываетъ „Хроника", промолчалъ: но на первой же почтѣ собственноручно написалъ своему сыну и невѣсткѣ, чтобы они отслужили молебенъ Сергію Радонежскому чудотворцу и дали обѣтъ, если родится у нихъ сынъ, назвать его Сергіемъ... Приказаніе исполнили въ точности". И за три дня до осенняго праздника преп. Сергія, съ большимъ запозданіемъ, у невѣстки Степана Михайловича родился сынъ Сергій [111]). А еще черезъ много лѣтъ и самъ этотъ сынъ былъ окруженъ девятью Сергіевичами и Сергіевнами, причемъ на мѣсяцъ сентябрь приходилось больше десятка разныхъ семейныхъ торжествъ [112]). Но преп. Сергій сдѣлалъ еще больше. Когда, въ одно печальное для семьи время, финансовое положеніе Сергѣя Тимоѳеевича стало почти критическимъ [113]), и пришлось подумать объ отъѣздѣ изъ дорогой Москвы, ему вдругъ, послѣ долгихъ поисковъ, удалось крайне выгодно пріобрѣсти небольшое сельцо Абрамцево, „прелестный уголокъ на берегахъ рѣчки Вори, близъ Хотьковскаго монастыря и не очень далеко отъ Троицко-Сергіевой Лавры" [114]). Но въ Хотьковскомъ монастырѣ покоятся *родители* преп. Сергія, и тутъ же, еще гораздо ближе Троице-Сергіевой Лавры—мѣсто родины самого преп. Сергія, городъ Радонежъ—нынѣ село Городокъ. Объ этомъ Аксаковы тоже помнятъ. „Его святая память, свидѣтельствуетъ Константинъ Аксаковъ, живетъ съ жителями этого города, уже обратившагося въ село, и хранитъ въ нихъ вѣру и благочестіе. Такъ освящаетъ святыня мѣсто, котораго коснется" [115]).

---

[111]) „Пятый отрывокъ изъ Семейной Хроники". „Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова". М. 1900. Т. I. Стр. 193—194 и 196.

[112]) Отмѣчено В. Шенрокомъ въ статьѣ „С. Т. Аксаковъ и его семья". „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія". 1904 г. Т. 355. Стр. 388.

[113]) Ср. „Жизнь и труды Погодина". Т. 7. Стр. 109.

[114]) „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ". М. 1888. Ч. I. Стр. 40. Абрамцеву и его достопримѣчательностямъ будетъ посвященъ цѣлый сборникъ, нынѣ подготовляемый къ печати Е. Д. Полѣновой.

[115]) „Сочиненія К. С. Аксакова". Изд. „Огни". 1915. Т. I. Стр. 564 (ср. стр. 559).

На этихъ то священныхъ мѣстахъ, близъ раки преп. Сергія, и произошло сближеніе нашей Академіи съ Аксаковыми. Между Абрамцевымъ и Лаврой, поддерживалась постоянная связь. То въ одиночку, то по нѣскольку заразъ, часто пѣшкомъ [116]), часто не взирая ни на какую погоду [117]), бредутъ въ нее на богомолье славянофилы и славянофилки изъ большого Аксаковскаго гнѣзда. Идутъ они, конечно, на поклоненіе къ великому защитнику и хранителю Русской земли, но порою ихъ дорожка сворачиваетъ и въ нашу Академію. Тамъ у нихъ есть знакомые и даже друзья. Въ числѣ первыхъ—ректоръ ея, преосв. Савва, съ которымъ дочерей Сергѣя Тимоѳеевича познакомилъ Погодинъ [118]). Встрѣчаются они тамъ также съ Е. В. Амфитеатровымъ [119]) и Г. П. Смирновымъ-Платоновымъ [120]). Даже академическій докторъ—А. А. Брызгаловъ — ихъ близкій знакомый. У него бываетъ Константинъ Аксаковъ и самъ онъ нерѣдко навѣщаетъ Абрамцево со всѣмъ своимъ семействомъ [121]). Но самый близкій ихъ другъ въ Академіи—уже упомянутый недавно—Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, тогда еще дѣйствительный членъ нашей корпораціи. Сергѣй Тимоѳеевичъ креститъ у него двухъ сыновей [122]), Ольга Семеновна тоже его кума [123]). Сыновья ихъ Константинъ и Иванъ постоянно навѣщаютъ его въ Академіи [124]) и ведутъ съ нимъ вполнѣ дружественныя бесѣды. Вотъ на образецъ одна изъ нихъ: „Константинъ, записываетъ въ своемъ дневникѣ его сестра Вѣра Сергѣевна,

---

[116]) „Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой". Спб. 1913. Стр. 135, 145 и др.

[117]) Тамъ же. Стр. 50.

[118]) „Автобіогр. зап. высокопреосв. Саввы". Т. 2. Стр. 230.

[119]) Ср. И. Корсунскій. „Протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ". „Богословск. Вѣстн." 1894 г., декабрь, стр. 529.

[120]) Онъ жилъ студентомъ у Гилярова-Платонова. Ср. „Страничка изъ жизни М. Д. Академіи 50 лѣтъ тому назадъ. Письмо студента Г. И. Смирнова-Платонова къ о. І. С. Маргаритову". „Вѣра и Церковь". 1900, ч. 2-я, стр. 283. О причинѣ его ухода изъ Академіи (былъ баккалавромъ только два года) см. интересныя соображенія П. С. Казанскаго. „У Троицы въ Академіи". Стр. 560, письмо 26-е.

[121]) О немъ см. въ Исторіи М. Д. Академіи, стр. 326.

[122]) „Сборникъ сочиненій" Гилярова. Т. І. Стр. VI.

[123]) „Дневникъ В. С. Аксаковой". Стр. 17.

[124]) Тамъ же. Стр. 30 и 83.

сказалъ Гилярову откровенно и добродушно, что онъ, т.-е. Гиляровъ, слишкомъ постоянно занятъ самимъ (собой?), т.-е. безпрестанно съ самимъ собой возится, въ себя самого погруженъ, что это ему мѣшаетъ обращать вниманіе на другихъ, что Константинъ вообще замѣчалъ не разъ, что Гиляровъ не возбуждалъ расположенія къ себѣ, что онъ непривѣтливъ, не радушенъ, разумѣется не въ отношеніи насъ, но другихъ... Гиляровъ сознался, что онъ самъ это нѣсколько разъ замѣчалъ, что его большею частью не любятъ, и даже тѣ люди, которыхъ онъ одолжаетъ, что онъ самъ видитъ, какъ ихъ стѣсняетъ своимъ присутствіемъ. Лекціи его слушаются съ интересомъ, но его личность мало выигрываетъ отъ этого. Это правда, что постоянное унылое состояніе духа, что называется aigri, полное горечи и недовольства [125]), заставляетъ его смотрѣть и на людей съ недовѣріемъ, досадой и презрѣніемъ, или пренебреженіемъ. Константинъ говорилъ ему, что часто брань оскорбляетъ гораздо менѣе, нежели деликатное замѣчаніе. Гиляровъ большею частью соглашался со всѣмъ, но приписываетъ много своей разсѣянности, погруженности въ свои занятія и говоритъ, какъ бы такъ сдѣлать, чтобъ умѣть быть привѣтливымъ. Константинъ возразилъ ему на то: не умѣть быть привѣтливымъ, не надобно въ душѣ быть такимъ и т. д. Гиляровъ разспрашивалъ отесиньку [126]) о впечатлѣніи, сдѣланномъ имъ въ первый разъ, и очень удивился, что оно было выгодно" [127]). Въ такихъ же добрыхъ отношеніяхъ стоитъ къ нему и младшій братъ Константина—Иванъ. Съ нимъ, какъ извѣстно, Гилярову пришлось проработать вмѣстѣ почти всю жизнь. Иванъ Аксаковъ цѣнилъ его отвлеченный умъ [128]), уважалъ его какъ цензора [129]). „Вотъ человѣкъ, сказалъ онъ однажды

---

[125]) Послѣднее объяснялось отчасти болѣзненно-раздражительнымъ характеромъ его жены. См. тамъ же, стр. 48 и 17.

[126]) Такъ, какъ извѣстно, по славянофильскимъ побужденіямъ, звали въ семьѣ Аксаковыхъ отца, потому что „папа" слово иностранное. Ср. напр. „Очеркъ семейнаго быта Аксаковыхъ" при I-мъ томѣ писемъ И. Аксакова, стр. 17.

[127]) „Дневникъ В. Аксаковой", 19 апр. 1855 г., стр. 112.

[128]) „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ". Т. 3. Стр. 306.

[129]) См. письмо его къ гр. А. Д. Блудовой. „Жизнь и труды Погодина". Т. 18. Стр. 474.

глядя на его портретъ, про котораго можно смѣло сказать, что онъ никогда и ничего не эксплоатироралъ.. Большой талантъ, прекрасное перо, огромная начитанность, масса разнородныхъ познаній... Но Русь матушка еще не умѣетъ цѣнить по части грамоты“ [130]).

Со своей стороны и Гиляровъ платилъ семьѣ Аксаковыхъ такой же дружбой. Работамъ С. Т—ча онъ посвятилъ большую и столь хвалебную статью [131]), что даже Катковъ, въ то время, впрочемъ, еще въ значительной степени западникъ-англоманъ, не рѣшился ее печатать, какъ содержащую „рѣзкія славянофильскія убѣжденія“ [132]). Константина Аксакова онъ всегда выбиралъ предварительнымъ цензоромъ своихъ сочиненій [133]). Ивану Сергѣевичу посылаетъ на просмотръ стихи своего сына и получаетъ отъ него въ отвѣтъ цѣлую диссертацію [134]). Къ Аксаковымъ же спѣшитъ онъ за утѣшеніемъ со своими служебными непріятностями [135]) и, наконецъ, съ самой отставкой [136]).

Другимъ близкимъ человѣкомъ къ семьѣ Аксаковыхъ изъ питомцевъ нашей Академіи былъ, тоже уже упоминавшійся, о. А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Еще студентомъ сблизился онъ съ И. С. Аксаковымъ, сперва по чисто-литературнымъ дѣламъ, но затѣмъ эта связь закрѣпилась знакомствомъ его

---

[130]) А. Молчановъ. „Воспоминанія объ И. С. Аксаковѣ“. „Истор. Вѣстн.“ 1886 г. Т. 25. Стр. 379. Аналогичный отзывъ И. Аксакова о Гиляровѣ записанъ кн. Шаховскимъ со словъ бывшаго предсѣдателя Моск. Ценз. Комитета В. Я. Ѳедорова: „Посмотрите на это лицо,—совершенно славянскій типъ, эти голубые глаза, эта добрая улыбка, это страдальческое выраженіе лица. Что онъ вытерпѣлъ мученій отъ митрополита Филарета, который все внутри у него расцарапалъ („Годы службы Г.-П.“ „Русск. Обозр.“ Стр. 1897. Т. 48. Стр. 504)“.

[131]) „Семейная Хроника и Воспоминанія С. Аксакова“. Это была его первая „свѣтская статья, коею онъ дебютировалъ на свѣтскомъ поприщѣ (кн. Шаховской, тамъ же, т. 46, стр. 133 и сл.)“.

[132]) Письмо С. Т. Аксакова къ И. С. („И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“. Т. 3. Стр. 242, въ примѣчаніи).

[133]) Подробнѣе объ отношеніяхъ Гиляровa къ К. Аксакову см. въ статьѣ кн. Шаховского „Н. П. Гиляровъ Платоновъ и К. С. Аксаковъ“. „Русск. Обозр.“ 1895. № 12.

[134]) Письмо Гилярова въ „Русск. Обозр.“ 1896 г. Декабрь. Стр. 1001—1004. Отвѣтъ И. Аксакова въ „Русск. Архивѣ“ 1889. Т. 3. Стр. 423—425.

[135]) „Дневникъ В. С. Аксаковой“. Стр. 48.

[136]) Тамъ же. Стр. 146. (Подъ строкой запись отъ 28 сент. 1855 года).

со всею семьею Аксаковыхъ и прежде всего съ ея главою— Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ. „Крайне бѣдный, разсказываетъ самъ Иванцовъ, въ то время недавно осиротѣвшій, мечтательный и застѣнчивый студентъ духовной Академіи я былъ очарованъ ласковымъ и предупредительнымъ пріемомъ великаго старца, напоминавшаго самымъ внѣшнимъ видомъ своимъ... древняго патріарха благословенной семьи. Около него почти безотлучно находились его дѣти... Всѣ они чрезвычайно внимательно и предупредительно относились ко мнѣ, робкому студенту загородной академіи. Особенно ласковъ со мною былъ старшій сынъ Сергѣя Тимоѳеевича доселѣ извѣстный мнѣ лишь по сочиненіямъ, историкъ, философъ, эстетическій критикъ и публицистъ Константинъ Сергѣевичъ“ [137]).

Къ числу такихъ же близкихъ къ семьѣ Аксаковыхъ лицъ изъ числа питомцевъ нашей Академіи относится извѣстный Н. И. Надеждинъ. Хотя по своему направленію онъ впослѣдствіи далеко ушелъ и отъ Академіи и отъ славянофильства [138]), въ семьѣ Аксаковыхъ онъ долго продолжалъ оставаться своимъ человѣкомъ. Старикъ Аксаковъ въ письмахъ обращается къ нему неизмѣнно на „ты“. Особенно горячее участіе принимала вся семья въ его печальной романической исторіи. Предупреждая событія, Константинъ Аксаковъ уже приготовилъ его будущей женѣ привѣтственный акростихъ:

„*На* ней почіютъ вдохновенья
*А*лмазной цѣпью сплетены
*Д*ары благого Провидѣнья
*Ей* въ изобиліи даны;
*Ж*изнь съ беззаботною улыбкой
*Д*аетъ ей лучшіе цвѣты,
*И* вьются, вьются цѣпью зыбкой
*На*дъ нею легкія мечты;
*А*лѣетъ утро красоты! [139])“

---

[137]) Прот. А. М. Иванцовъ-Платоновъ. „За третье десятилѣтіе священства“. Серг. Пос. 1894. Стр. 49.

[138]) О немъ далѣе въ главѣ о Самариныхъ. Славянофиломъ (прежде) считалъ его Ап. Григорьевъ. См. его сочиненія въ изд. Н. Страхова. Т. I Стр. 489.

[139]) Подробнѣе объ отношеніяхъ его къ Аксаковымъ у Н. К. Козмина. „Н. И. Надеждинъ. Жизнь и научно-литературная дѣятельность 1804—1836“. Спб. 1912. Стр. 466 и до конца. Стихотвореніе на стр. 499. Оно тоже

Наконецъ, можно вспомнить еще одного изъ нашихъ питомцевъ, имѣвшаго нѣкоторое отношеніе къ тому же Константину Аксакову. Мы говоримъ о извѣстномъ въ свое время преподавателѣ богословія въ Московскомъ университетѣ—протоіереѣ П. М. Терновскомъ [140]). Хотя онъ и отъ Академіи и отъ семьи Аксаковыхъ отстоитъ еще дальше, чѣмъ Надеждинъ, о немъ необходимо упомянуть, такъ какъ въ лицѣ его К. Аксаковъ, едва ли не впервые, познакомился съ тогдашнимъ академическимъ богословіемъ, и впервые быть можетъ провелъ для себя ясную границу между свѣтскимъ и традиціоннымъ способомъ мышленія объ религіозныхъ предметахъ. „Однажды на репетиціи", разсказываетъ онъ, Терновскій, „вызвалъ меня... и спросилъ о раѣ. Отвѣчая я сказалъ о древѣ жизни и прибавилъ: „но вѣдь это древо надо понимать только, какъ алегорію".—„Какъ алегорію?" сказалъ Терновскій; „почему вы такъ думаете?"—„Древо жизни", отвѣчалъ я, „было прообразованіемъ Христа".—„Оно было прообразованіемъ; но это не значитъ, чтобъ оно не существовало", замѣтилъ Терновскій. Однако, вспоминаетъ Аксаковъ, за этотъ отвѣтъ Терновскій поставилъ мнѣ 3, а не 4.—Въ наше время 4 былъ высшій балъ" [141]). Другое подобное же столкновеніе произошло уже при многихъ свидѣтеляхъ. „На экзаменѣ у Терновскаго, разсказываетъ Аксаковъ, достался мнѣ вопросъ объ адѣ. Отвѣчая, я сказалъ про огненныя муки и прибавилъ, что было бы странно понимать этотъ огонь въ матеріальномъ значеніи, какъ огонь намъ извѣстный, но что это огонь невещественный, что это муки совѣсти. Терновскій сталъ съ досадою возражать мнѣ, но тогдашній викарій Николай [142]), присутствовавшій на экзаменѣ, остановилъ его, сказавъ: очень хорошо, отвѣтъ прекрасный. Тер-

---

не вошло въ новое собраніе художественныхъ произведеній К. Аксакова (см. нашу замѣтку въ майской книжкѣ „Б. В." за текущій годъ).

[140]) Хорошій отзывъ о немъ см. въ статьѣ П. Д. Шестакова: „Московскій Университетъ въ 1840-хъ годахъ". „Русск. Старина", 1887 г. Т. 55 (сентябрь). Стр. 655. Менѣе благопріятный у Хомякова. Сочиненія. Т. 8 Стр. 238.

[141]) К. Аксаковъ. „Воспоминанія студентства". Спб. 1911. Стр. 16—17.

[142]) (Соколовъ), еп. Дмитровскій. Онъ упоминается Погодинымъ въ числѣ почетныхъ гостей на торжественномъ засѣданіи ун—та 5 іюля 1834 года. („Жизнь и труды Погодина". Т. 4. Стр. 187. Ср. Т. 22. Стр. 243). Разсказъ Аксакова относится къ 1833—1834 годамъ.

новскій долженъ былъ поставить мнѣ 4, лучшій балъ“ [143]). Какъ бы то ни было, наша Академія за себя постояла, и не дала въ обиду вѣру отцовъ!

Но больше всѣхъ другихъ членовъ семьи Аксаковыхъ знакомо нашей Академіи имя Ивана Сергѣевича. Это естественно—въ виду той видной роли, какая выпала на его долю въ славянофильскомъ дѣлѣ.—Какъ же однако относилась наша Академія къ его общественно-литературной дѣятельности?—И здѣсь, какъ и въ главѣ о Хомяковѣ, первымъ возвышаетъ свой голосъ П. С. Казанскій. Снова слышится его внушительное „мы“, но характерная роль его, какъ *advocati diaboli*, по отношенію къ славянофиламъ, и *advocati Dei*—по отношенію къ Академіи, въ ихъ взаимной тяжбѣ, нами уже достаточно выяснена, и потому переходя теперь къ разбирательству новаго дѣла мы не будемъ указывать, что̀ въ словахъ П. С. достойно вниманія и что должно быть отнесено на счетъ его личнаго характера. Впрочемъ, мы ограничиваемся лишь двумя его письмами къ Бахметевой, гдѣ онъ укоряетъ И. С—ча за поблажку сектантамъ и за неправильную постановку вопроса о реформѣ Церкви. Припоминая какую-то личную бесѣду И. С—ча съ профессорами въ Академіи, гдѣ послѣдній будто бы сознавался, „что только съ свѣтской точки зрѣнія смотритъ на дѣло“, т. е. на все касающееся „блага церкви“, Казанскій говоритъ Бахметевой: „Можете сказать ему, что нашему академическому братству его статьи, касающіяся церкви, кажутся возмутительными... Одна статья только объ оберъ-прокурорѣ и то исключая конецъ ея понравилась всѣмъ, всѣми съ чувствомъ принята. Признаюсь, что у насъ существуетъ убѣжденіе, что И. С. Аксаковъ совсѣмъ не понимаетъ, съ чего нужно начать дѣло, гдѣ корень зла; исполнить его требованія—только увеличивать зло. То, чего онъ домогается, само собою придетъ и разовьется, когда существо дѣла исправится“ [144]).

Въ этихъ словахъ П. С—ча рѣчь идетъ о четырехъ статьяхъ Аксакова—двухъ—изъ газеты „Москвичъ“ и двухъ—изъ „Москвы“.—Возмутили П. С—ча, и кого то еще съ нимъ, двѣ статьи, съ требованіемъ безусловной свободы совѣсти и съ указаніемъ

---

[143]) „Воспоминанія“. Стр. 21.

[144]) „Переписка съ Бахметевой“. Стр. 533. Писано 23 апрѣля 1868 года.

на то, что главными противниками ея являются лица духовныя [145]), и одна, объясняющая успѣхъ сектантской проповѣди нежеланіемъ того же духовенства вести проповѣдь православную [146]). Понравилась же статья объ отчетѣ оберъ-прокурора, гдѣ этотъ отчетъ по духовному вѣдомству ставится въ болѣе или менѣе остроумную параллель съ отчетомъ по вѣдомству путей сообщенія и вмѣстѣ высказывается протестъ противъ вторженія въ дѣла церкви гражданской власти [147]).— Что же касается непріятнаго заключенія, то подъ нимъ нужно разумѣть или то, что Аксаковъ говоритъ *въ частности* о гр. Толстомъ, какъ такомъ оберъ-прокурорѣ, отъ котораго онъ ждетъ, въ видѣ исключенія изъ правила, большой пользы для церкви [148]), или такія его слова: „Всѣ законы о гражданскомъ преслѣдованіи раскола и иныхъ религіозныхъ заблужденій, всѣ стѣсненія цензурныя въ области слова по вопросамъ вѣры и церкви, всѣ постановленія, дѣлающія изъ служителей алтаря замкнутое сословіе, всѣ огражденія вѣрности духовнымъ обѣтамъ гражданскими наказаніями,—однимъ словомъ, всѣ проявленія государственнаго содѣйствія истинѣ православія и вмѣшательства въ сферу церковную, выразившіяся въ законодательствѣ, должны бы быть, по нашему мнѣнію, подвергнуты строгому пересмотру, измѣненію и частью даже отмѣнѣ“ [149]).—Но, если П. С—чу непріятно исключеніе изъ правила хотя бы *одного* оберъ-прокурора, то почему онъ, въ такомъ случаѣ, боится *полнаго* освобожденія совѣсти отъ гражданской опеки, если же онъ ограничиваетъ

---

[145]) „Москва“, 16-го апрѣля, 1868 г. (Въ собраніи сочиненій И. Аксакова надписана: „Почему въ православной Россіи не допускается свобода совѣсти. Т. 4. Стр. 79—84)“ и 19-го апрѣля: „Государственные законы, полицейскій надзоръ и уголовныя кары по дѣламъ религіознымъ (тамъ же, стр. 84—90)“. О духовныхъ лицахъ—во второй, стр. 83.

[146]) „Нѣкоторыя безобразія русской жизни, — а въ частности причины распространенія штунды („Москвичъ“, 25-го января 1868 года)“. Тамъ же. Стр. 65—72.

[147]) Тамъ же, 1-го февраля. „По поводу отчета оберъ-прокурора Св. Синода за 1866 г. (Стр. 72—79)“.

[148]) Тамъ же. Стр. 78—79. Много ждалъ отъ него и Гиляровъ-Платоновъ. См. Письмо его къ А. В. Горскому („Русск. Обозр.“ 1896 г., дек., стр. 997—998), по поводу предполагавшагося визита его въ Московскую Академію.

[149]) Тамъ же, стр. 78.

размѣры освобожденія *одной* лишь главенствующей Церковью; тогда почему онъ не согласенъ на ограниченіе *огульнаго* приговора надъ оберъ-прокурорами?

Но, несогласный съ логикой П. С. оказывается въ противорѣчіи и съ фактами: отношеніе большинства нашей Академіи къ И. С. Аксакову было, повидимому, совсѣмъ иное. По крайней мѣрѣ, еще за нѣсколько лѣтъ до того, вскорѣ послѣ закрытія „Паруса“, издававшагося И. Аксаковымъ [150]), Н. П. Гиляровъ-Платоновъ спѣшилъ успокоить его академическихъ друзей. „Считаю долгомъ, писалъ онъ С. К. Смирнову, вознаградить Васъ самою интересною, великолѣпною новостью. У Васъ „Парусомъ“ интересовались. Итакъ, да будетъ Вамъ извѣстно, что послѣ самаго громового запрещенія... „Парусъ“ вдругъ теперь воскресаетъ самымъ неожиданнымъ, самымъ невѣроятнымъ образомъ. Троицкіе подписчики могутъ быть увѣрены, что въ непродолжительномъ времени они получатъ слѣдующіе №№. И что всего замѣчательнѣе, газета *несомнѣнно* пойдетъ въ томъ же самомъ духѣ, съ тѣмъ же самымъ направленіемъ, однимъ словомъ *вполнѣ* такая же, какою началась... Просто, чудеса! У меня голова закружилась, когда по пріѣздѣ въ Москву (изъ Посада—*Ѳ. А.*), я выслушалъ вчера всю исторію возстановленія „Паруса“ [151]). Но ясно, что для тѣхъ, кто не соблазнился „Парусомъ“, этимъ самымъ ярымъ изъ славянофильскихъ журналовъ,—„Москва“ и „Москвичъ“ уже никакъ не могли показаться „возмутительными“. Говоря „мы“ П. С. снова беретъ цѣлое, вмѣсто части.

И, думается, не онъ, а Горскій-Платоновъ, которому суждено было сказать надъ свѣжей могилой Аксакова надгробное слово отъ лица Академіи, явился истиннымъ выразителемъ отношенія послѣдней къ почившему. „Убыло силы у русскаго народа! говорилъ онъ. Твоимъ же, Иванъ Сергѣевичъ, словомъ начинаю свое скорбное слово... Время покажетъ, въ какихъ воззрѣніяхъ ты былъ безусловно правъ, и въ какихъ ты только заплатилъ ту дань, отъ которой не можетъ быть свободенъ ни одинъ человѣкъ, какъ бы сильно онъ ни былъ

---

[150]) Исторія о „Парусѣ“ подробно изложена у Барсукова („Жизнь и труды Погодина“. Т. 16. Гл. XL—XLVI).

[151]) „У Троицы въ Академіи“. Стр. 604—605.

одаренъ. Но то несомнѣнно, что отъ многихъ твоихъ мыслей останется неистребимый слѣдъ въ сознаніи и нынѣшняго и всѣхъ будущихъ поколѣній Русскаго народа, и что на многихъ путяхъ мысли уже невозможно будетъ русскому человѣку свернуть съ той дороги, которую ты указалъ. Свернуть, сказалъ я, уже *невозможно* будетъ. Какое болѣе высокое торжество можетъ быть достигнуто мощною мыслью одного человѣка!.. Вѣчная о тебѣ память, достойный представитель силы и доблести русскаго духа, будетъ въ сердцахъ нашихъ и потомкахъ нашихъ! И для насъ и для нихъ ты самъ создалъ себѣ памятникъ несокрушимый“ [152])...

Но у нашей Академіи есть объ Иванѣ Аксаковѣ еще и болѣе вещественное напоминаніе: на стипендію его имени, учрежденную по смерти его вдовой, учатся у насъ „уроженцы южно-славянскихъ странъ, готовящіеся къ принятію духовнаго сана“ [153]). Послѣдніе еще и при жизни И. С—ча пользовались его особымъ покровительствомъ и бывали желанными гостями въ Абрамцевѣ [154]).

Наконецъ, въ наслѣдство нашему же студенчеству пере-

---

[152]) „Русь“. 1886 г. № 32. Стр. 15, 1—2.

[153]) „Журналы Совѣта Москов. Дух. Академіи 1886 года“. Стр. 143 (5 сент., III).

[154]) „Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу“. „Русск. Обозр.“ 1894 г. Т. 29. Стр. 478 (22 мая 1853 г.). Въ архивѣ Каптеревыхъ сохранились двѣ визитныя карточки И. С. Аксакова къ С. К. Смирнову и В. Д. Кудрявцеву, съ его собственноручными приписками, въ которыхъ онъ рекомендуетъ ихъ вниманію Герцеговинскаго воеводу Пламенаца, намѣревающагося поступить въ нашу Академію, „отдохнуть и поучиться“. „Онъ, прибавляетъ И. С., человѣкъ нами обезпеченный“. В. Д., со своей стороны, тоже рекомендуетъ его С. К-чу (Ректору): „Податель сего письма, пишетъ онъ, рекомендованный И. С. Аксаковымъ Герцеговинскій воевода Пламенацъ. Онъ имѣетъ желаніе поступить въ Академію, а до тѣхъ поръ на время найти пріютъ въ Лаврѣ или въ Академіи. Послѣ продолжительной бесѣды съ нимъ, я убѣдился, что несмотря на его непредставительный костюмъ, онъ человѣкъ довольно свѣдущій и образованный. Въ виду славянскаго братства, нельзя ли чего-нибудь сдѣлать для сего (?) воеводы,—т. е. помѣстить его до сентября въ Академіи или попросить о помѣщеніи его въ Лаврѣ Митрополита или Намѣстника? Для большей вѣрности нельзя ли чрезъ г. Пламенаца просить Аксакова, чтобы онъ написалъ форменное рекомендательное письмо о немъ на Ваше имя? Впрочемъ кажется сомнѣваться о немъ нѣтъ основаній. Онъ проситъ пріюта только на время, а впослѣдствіи средства для его образованія обѣщалъ дать Славянскій Комитетъ“.

шла и вся его богатая библіотека „вмѣстѣ со шафами“ [155]).— Послѣдній памятникъ былъ воздвигнутъ у насъ тою же А. Ѳ. Аксаковой [156]),—вдовой И. С—ча, которой мы обязаны и его стипендіей. Поселившись, послѣ долгихъ хлопотъ по изданію сочиненій покойнаго, въ Посадѣ, чтобы быть ближе къ его могилѣ, она сблизилась съ Академіей и тѣмъ—какъ бы завершила всю исторію нашихъ сношеній съ Аксаковыми, которую мы опредѣлили, какъ личную по преимуществу.

---

Къ содружеству четырехъ великихъ славянофильскихъ семей семья Самариныхъ примкнула позже всѣхъ, но она сдѣлала этотъ шагъ въ тѣ дни, когда уже замѣчались первые признаки будущаго гоненія на славянофильство со стороны николаевскаго режима, и потому запоздалость этого шага вполнѣ искупается его глубокой сознательностью и открытымъ героизмомъ.—Такими же сознательными и открытыми представляются и ея отношенія къ нашей Академіи. Воспитанники послѣдней были первыми русскими воспитателями подростающаго поколѣнія славянофиловъ изъ Самаринскаго дома и, прежде всего, перваго среди нихъ—Юрія Самарина. Но, если мы вспомнимъ ту—совершенно исключительную—заботливость, какую проявлялъ отецъ послѣдняго—Ѳ. В. Самаринъ при выборѣ наставниковъ для своихъ дѣтей [157]), то выборъ именно нашихъ воспитанниковъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Московская Духовная Академія имѣла тогда вполнѣ опредѣленную цѣнность въ глазахъ

---

[155]) Свящ. Н. Колосовъ. „Академическая библіотека въ 1890 — 1898 годахъ“. „У Троицы въ Академіи“. Стр. 728. Объ отношеніяхъ А. Ѳ. Аксаковой къ нашей Академіи см. у него же въ статьѣ: „Мое знакомство съ Владиміромъ Сергѣевичемъ Соловьевымъ („Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“. 1910 г., октябрь, стр. 575—584)“. Интересныя свѣдѣнія объ А. Ѳ. сообщаетъ прот. А. М. Иванцовъ-Платоновъ въ книгѣ: „За третье десятилѣтіе священства“. Стр. 57—60.

[156]) Объ И. С. Аксаковѣ писалъ курсовое сочиненіе студентъ 68 курса В. Благовѣщенскій: „И. С. Аксаковъ. Его религіозное и общественное міросозерцаніе (подъ руководствомъ проф. Н. Л. Туницкаго, отзывы въ Журн. Совѣта за 1913 г., стр. 201—205)“.

[157]) См. хотя бы біогр. очеркъ Ю. Ѳ. Самарина при 9-мъ томѣ его сочиненій (стр. XI и сл.) и въ наст. замѣткахъ ниже — свидѣтельство Надеждина.

славянофиловъ или людей, расположенныхъ къ славянофильству. Довольно показательнымъ въ этомъ отношеніи является, напримѣръ, одно случайное свидѣтельство, если не славянофилки (вспомнимъ стихи Хомякова!), то женщины во всякомъ случаѣ готовой каждую минуту исповѣдать свою русскую вѣру, не смотря на нерусскую свою фамилію.—Мы говоримъ объ А. О. Россети. Въ одну изъ такихъ хорошихъ славянофильскихъ минутъ, вотъ что писала она изъ-за-границы Погодину: „Прибѣгаю къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Сыну моему исполнилось семь лѣтъ, приходитъ время сдать его на руки мужчины. Хотя здоровье мое гораздо плоше, чѣмъ въ Россіи, я нахожу неприличнымъ и даже невозможнымъ, при моемъ образѣ мыслей, оставаться въ чужихъ краяхъ во время войны. Предполагая вернуться въ іюнѣ въ свое Отечество, хочу заняться воспитаніемъ сына. Мнѣ нуженъ гувернеръ и русскій. Вамъ должны быть знакомы многіе студенты Московскаго Университета, и какъ отецъ семейства вы легко поймете, какого рода человѣкъ мнѣ нуженъ и мнѣ можетъ прійтись по душѣ. Я даже предполагаю взять академика Троицкой Академіи; буде такой сыщется и вамъ извѣстенъ, я возьму съ охотой. Если онъ будетъ знать Греческій языкъ, то это какъ придача будетъ прекрасно *). Главное, чтобы былъ нравственный и любилъ свое дѣло. О цѣнѣ не забочусь: въ такомъ важномъ дѣлѣ торгу не должно быть. Я съ охотой буду платить то, что наши Русскіе господа даютъ западнымъ нѣмцамъ за развращеніе своихъ дѣтей съ такою готовностію. Пришло наконецъ время разочароваться на счетъ Запада, и кажется многіе въ Россіи убѣждаются, что кромѣ разврата мыслей или притупленія чувства нравственнаго, ничего нельзя получить отъ лучшихъ изъ здѣшнихъ людей... Дай Богъ, чтобы мы поняли всѣ, что прогрессъ не есть просвѣщеніе и что западное просвѣщеніе не по Руси скроено... Извините за политическую болтовню, дѣло не женское, да мы по несчастью всѣ глядимъ въ Жоржъ Занды, и болѣе увлекаемся чужимъ дѣломъ, чѣмъ своимъ собственнымъ, ду-

*) А. О., какъ извѣстно, сама изучала греческій языкъ уже въ зрѣломъ возрастѣ и даже на смертномъ одрѣ помогала дочери отыскивать въ лексиконѣ греческія слова.

шевнымъ. Знаю одно, что люблю Россію и чувствую, что еще болѣе теперь, чѣмъ когда-либо“ [158]).

Не знаемъ, осуществилось ли собственное „предположеніе“ А. О. или Погодинъ досталъ ей воспитателя изъ Университета, но важенъ здѣсь, конечно, тотъ фактъ, что люди „большого свѣта и двора“ вспоминаютъ въ хорошія для русскаго дѣла минуты о бытіи нашей Академіи.

Но то, что у Россети можетъ быть, при натяжкѣ, истолковано, какъ случайная вспышка, то въ семьѣ Самариныхъ является своего рода обычаемъ. Первымъ русскимъ воспитателемъ Юрія Ѳедоровича былъ, уже упомянутый, Н. И. Надеждинъ, незадолго передъ тѣмъ окончившій нашу Академію.—Онъ сразу произвелъ хорошее впечатлѣніе на своего воспитанника. „Съ перваго взгляда, вспоминаетъ тотъ, я его полюбилъ“ [159]). Кто рекомендовалъ его Ѳ. В—чу—не знаемъ, но интересно, что заподозрѣнный въ Академіи „едва ли не въ невѣріи“, за то, что „пародировалъ лекціи ректора“ [160]),— для своего воспитанника Надеждинъ явился воспитателемъ не только его мысли, но и природной его религіозности. Юрій Ѳедоровичъ съ восторгомъ вспоминаетъ объ урокахъ Закона Божія, когда онъ „не сводилъ глазъ“ съ вдохновеннаго лица своего молодого наставника, словно сіявшаго въ темнотѣ нагорѣвшей свѣчи. „Одинъ урокъ, разсказываетъ онъ, мнѣ особенно памятенъ. Надеждинъ говорилъ мнѣ о таинствѣ Евхаристіи; когда онъ объяснилъ мнѣ значеніе торжественной минуты призыванія Св. Духа на Дары, когда я узналъ, что въ эту самую минуту повторяется жертва Самого Спасителя и хлѣбъ и вино становятся Его истинной плотью и Его истинной кровью, меня охватило благоговѣйнымъ ужасомъ, я оглянулся невольно и могъ только вымолвить, какъ страшно!“ Разсказъ того же Надеждина о страданіяхъ Спасителя, говоритъ Ю. Ѳ., „всякій разъ заставлялъ меня плакать, и я не могъ наслышаться разсказа объ Немъ и самъ любилъ повторять его“ [161]).

---

[158]) У Барсукова „Жизнь и труды Погодина“. Т. 13. Стр. 81—83 (отъ 12 апр. 1854 г., изъ Дрездена).

[159]) „Воспоминанія отъ дѣтства. Москва. Годы ученья. 1826—1834“. *Рукопись. Стр. 15.* За разрѣшеніе опубликовать мы благодарны Ѳ. Д. Самарину.

[160]) „Исторія Моск. Дух. Академіи“. Стр. 18.

[161]) „Воспом. отъ дѣтства“. *Стр. 16 и 17.*

Какъ видно изъ сохранившагося журнала, писаннаго рукою Надеждина, гдѣ онъ, по заведенному въ домѣ порядку, ежедневно отмѣчалъ и успѣхи и шалости маленькаго Юши, его занятія съ нимъ продолжались съ октября 1826-го—май 1831 года, т. е. четыре года съ половиною. Кромѣ Закона Божія онъ преподавалъ ему еще „русскій языкъ, въ связи съ церковно-славянскимъ, исторію и нѣкоторое время нѣмецкій языкъ“ [162]).

Впослѣдствіи Ю. Ѳ—чу пришлось слушать его въ Университетѣ; но, къ сожалѣнію, вскорѣ послѣ того, какъ Надеждинъ вышелъ въ отставку, отношенія между нимъ и его бывшимъ воспитанникомъ стали болѣе натянутыми. Вина въ этомъ случаѣ падаетъ однако на Надеждина, измѣнившаго и своей юношеской религіозности [163]) и всѣмъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. По свидѣтельству Самарина, „онъ значительно перемѣнился и сдѣлался рѣшительно чиновникомъ; при старой небрежности и беззаботности въ немъ (стала) замѣтна какая-то гордость человѣка будто бы практическаго, который понялъ тщету безкорыстныхъ порывовъ молодости и обратился къ положительному“ [164]).

Что же касается самого Надеждина, то и для него пребываніе въ домѣ Самариныхъ было не безъ пользы. „Баринъ, въ домѣ котораго я жилъ, разсказывалъ онъ впослѣдствіи о Ѳ. В—чѣ, былъ большой баринъ; но онъ посвятилъ себя исключительно воспитанію своихъ дѣтей, и потому я не могъ никакъ надѣяться, чтобы онъ помогъ мнѣ своимъ вліяніемъ найти гдѣ-нибудь внѣ его дома другое для себя мѣсто [165]). Тутъ у меня мало-по-малу стала развиваться и крѣпнуть мысль о продолженіи своего умственнаго образованія. Къ этому, по счастью, были у меня подъ руками средства. Въ домѣ была богатая библіотека, составленная преимущественно изъ новѣйшихъ французскихъ книгъ, такихъ,

---

[162]) „Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина“. Т. 12. Стр. 142. Прим. 2-е.

[163]) См. письмо ея къ Погодину отъ 20 мая 1845 года и далѣе приписку отъ 24 мая („Жизнь и труды Погодина“. Т. 8. Стр. 62).

[164]) „Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина“. Т. 12 (Письма). Стр. 142—143 (К. С. Аксакову изъ Петербурга. 10 сент. 1844 г.).

[165]) Послѣднее не подтверждается свидѣтельствами о Ѳ. В. другихъ воспитателей его дѣтей, напр., Пако, Некрасова, которыхъ Ѳ. В. не оставлялъ и послѣ окончанія ихъ дѣятельности въ домѣ Самариныхъ.

которыхъ я дотолѣ и въ глаза не видывалъ“. [166]). Эту библіотеку Надеждинъ и изучилъ, едва ли не всю, чѣмъ, конечно, значительно облегчился и его непосредственный переходъ отъ домашняго наставничества прямо на университетскую каѳедру.

Но, съ уходомъ Надеждина, связь Самаринныхъ съ нашей Академіей не порвалась. Вскорѣ послѣ того мы видимъ у нихъ въ той же роли другого нашего воспитанника Дмитрія Матвѣевича Некрасова. Онъ былъ въ Академіи, по воспоминаніямъ одного изъ его товарищей, „однимъ изъ наиболѣе даровитыхъ въ своемъ курсѣ, хотя по общему списку невысокое занималъ мѣсто и кончилъ курсъ кандидатомъ“. Но, какъ поясняетъ разсказчикъ далѣе: „Причины этому заключались въ томъ, что, во-первыхъ, онъ и здѣсь, какъ въ семинаріи, постоянно почти былъ боленъ и большею частью жилъ въ больницѣ, хотя и не лежалъ въ постели; во-вторыхъ, когда и въ классъ являлся, лекцій не готовилъ; въ-третьихъ, и сочиненія писалъ рѣдко, многихъ не подавалъ совсѣмъ, зато тѣ, которыя были имъ поданы, были замѣчательны какъ по содержанію, такъ и по изложенію; поэтому между товарищами пользовался онъ авторитетомъ умнаго и глубокомысленнаго студента и многіе дорожили его мнѣніемъ. Притомъ же онъ былъ отличный въ своемъ курсѣ математикъ и, если не ошибаюсь, занималъ *первое* по математикѣ мѣсто. По окончаніи курса, онъ назначенъ былъ преподавателемъ исторіи въ Воронежскую семинарію (хотя въ академіи исторіи не учился, что, впрочемъ, нерѣдко въ прежнее время бывало); оттуда, черезъ два года службы, по рекомендаціи Ѳедора Александровича Голубинскаго, поступилъ онъ въ домашніе учители къ извѣстному въ то время богатому барину московскому Самарину, отцу извѣстнаго Юрія Ѳеодоровича Самарина и его братьевъ, у котораго и прожилъ въ этой должности, кажется, ровно десять лѣтъ... Этотъ г. Самаринъ, какъ я впослѣдствіи узналъ отъ Некрасова, самъ былъ небольшого образованія, но замѣчателенъ тѣмъ, что старался дѣтямъ дать наилучшее образованіе и любилъ знакомиться съ людьми учеными. Такъ, былъ онъ

---

[166]) См. Козминъ: „Н. И. Надеждинъ“. Стр. 33 и примѣчаніе на стр. 34.

знакомъ, между прочимъ, съ нашимъ Ѳ. А. Голубинскимъ который иногда бывалъ у него въ домѣ“ [167]).

Старшему сыну Ѳ. В—ча Некрасовъ, впрочемъ, не преподавалъ, такъ какъ въ годъ его поступленія къ Самариныхъ Юрій Ѳедоровичъ уже кончилъ университетъ [168]), но, какъ человѣкъ болѣе его освѣдомленный въ вопросахъ богословскихъ, Некрасовъ, конечно, могъ быть полезенъ ему впослѣдствіи, когда Ю. Ѳ. писалъ свою магистерскую диссертацію о „Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и Стефанѣ Яворскомъ“ Слѣды такого общенія сохранились въ письмахъ Самарина [169]).

Обычай Самариныхъ брать домашнихъ наставниковъ изъ нашей Академіи сохранился и въ слѣдующемъ ихъ славянофильскомъ поколѣніи. Въ домѣ младшаго брата Ю. Ѳ—ча—Дмитрія Ѳедоровича Самарина, мы вновь находимъ трехъ воспитателей изъ числа нашихъ кандидатовъ. Первымъ такимъ наставникомъ, впрочемъ недолгое время, былъ о. Алексѣй Іосифовичъ Ключаревъ впослѣдствіи знаменитый херсонскій святитель-проповѣдникъ. О знакомствѣ съ домомъ Самариныхъ и, въ частности, съ главой его, уже упомянутымъ Ѳ. В—чемъ, онъ такъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. „Съ самаго начала моего священническаго служенія, говоритъ онъ, въ 1849 году, я имѣлъ честь (дѣйствительную честь) по семейнымъ моимъ обстоятельствамъ сдѣлаться ему извѣстнымъ. Въ то время здоровье Ѳедора Васильевича уже слабѣло, онъ духовно располагался уже къ приготовленію себя на путь къ вѣчной жизни и пригласилъ меня къ себѣ для чтенія книгъ и собесѣдованія“ [170]). По этимъ собесѣдо-

[167]) „Изъ записокъ Московскаго протоіерея Н. И. Надеждина (1832—1833 гг.)“. „У Троицы въ Академіи“. Стр. 55—56 и примѣчанія 1-е и 2-е на стр. 56.

[168]) Некрасовъ окончилъ Академію въ 1834 году. Къ Самариныхъ поступилъ послѣ двухъ лѣтъ преподаванія въ Воронежской семинаріи (откуда и Надеждинъ!) Ю. Ѳ. Самаринъ окончилъ ун-тъ весной 1837 г.

[169]) См. письмо его къ отцу: „j'ai achevé de prendre copie de quelques passages d'un livre de théologie que m'a procuré Дмитрій Матвѣевичъ et que je lui renvoie (Сочиненія, т. 12, стр. 108)“. Въ примѣчаніи о Д. М. сказано просто „домашній учитель“, но ясно, что рѣчь идетъ именно о Некрасовѣ (Письмо относится къ 1842 г. а послѣдній преподавалъ у Самариныхъ до 1845—1846 гг.).

[170]) Прот. Т. И. Буткевичъ. „Высокопреосв. Амвросій Архіепископъ Харьковскій“. Харьковъ. 1902. Стр. 31.

ваніямъ Ѳ. В. первый угадалъ, какой богатый проповѣдническій талантъ таился въ скромномъ и робкомъ молодомъ священникѣ. Много разъ и настойчиво онъ совѣтовалъ ему выступить передъ народомъ. „Вы, особенно Вы, говорилъ онъ, непремѣнно должны это дѣлать“. А. І. внялъ „умному и прекрасному совѣту“ и, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ, наконецъ побѣдилъ робость. Такимъ образомъ Ѳ. В. помогъ ему найти свое истинное призваніе [171]).

Внукамъ послѣдняго онъ, какъ уже сказано, преподавалъ недолго и вскорѣ передалъ уроки своему брату Александру, незадолго передъ тѣмъ окончившему нашу Академію. О занятіяхъ послѣдняго второе поколѣніе Самариныхъ—славянофиловъ сохранило лучшія воспоминанія [172]), но, къ сожалѣнію, и они были непродолжительны. Тяжелая болѣзнь глазъ и сложная нервная болѣзнь рано привели его къ печальному концу.

„Слышали, что сталось съ ... Александромъ Осиповичемъ, предназначавшимся въ священники въ Шереметевскую больницу?—писалъ преосв. Саввѣ одинъ но близкій знакомый.—Онъ въ Екатерининъ день (день ангела жены его) былъ поставленъ во діакона; поставлялся и пріобщался Св. Таинъ съ вожделѣннымъ благоговѣніемъ и цѣлый день былъ веселъ. На другой день пошелъ къ родственнику своему, священнику у Николы въ Столпахъ, и тамъ, часа въ два пополудни, предъ самымъ обѣдомъ, въ отхожемъ мѣстѣ бритвою зарѣзался наповалъ. Сколько тутъ было толковъ, разъясненій, обидныхъ и для жены, а главнымъ образомъ для о. Амвросія. Мнѣ дѣло извѣстно, какъ нельзя лучше. Мой зять—докторъ лѣчилъ его съ малыхъ лѣтъ и зналъ натуру его наилучшимъ образомъ. Онъ написалъ и доказалъ, что Алекс. Ос. покусился на убійство въ припадкѣ меланхоліи. Видите, онъ страдалъ глазами и вечеромъ не могъ читать при свѣчахъ. Когда взошелъ въ первый разъ въ Шереметевскую больницу, мракъ оной навелъ на него ужасъ. Онъ все сокрушался, какъ будетъ служить, потому что при свѣтѣ свѣ-

---

[171]) Тамъ же. Стр. 32—33 (для характеристики отношеній его къ семьѣ Самариныхъ см. еще стр. 83).

[172]) Преподаваніе велось почти исключительно по Библіи и съ такой тщательностью, что отмѣчались даже станы во время 40-лѣтняго странствованія по пустыни (Изъ устныхъ воспоминаній Ѳ. Д. Самарина).

чей не будетъ видѣть книги, будетъ врать и такимъ образомъ явится посмѣшищемъ всей Москвы, между тѣмъ какъ большую часть молитвъ, читаемыхъ священникомъ, зналъ наизустъ. Вотъ и судите о немъ“ [173]).

Наконецъ, третьимъ воспитателемъ въ домѣ Д. Ѳ—ча былъ нашъ кандидатъ С. П. Косменковъ, рекомендованный на эту должность С. К. Смирновымъ, какъ видно изъ благодарственнаго письма Д. Ѳ—ча къ послѣднему [174]).

Обычай этотъ сохранился въ домѣ Самариныхъ и до самыхъ послѣднихъ временъ. Однимъ изъ воспитателей былъ тамъ и покойный А. И. Введенскій.

Но, конечно, одними лишь этими фактами еще не исчерпывается связь Самариныхъ съ нашей Академіей. Она идетъ даже значительно дальше, чѣмъ у другихъ славянофиловъ. Конечно, Юрію Ѳедоровичу пришлось отчасти раздѣлить участь Хомякова и подпасть подъ осужденіе тѣхъ, кто осуждалъ и послѣдняго, однако отношеніе къ нему Казанскаго гораздо болѣе снисходительное, чѣмъ къ его учителю—Хомякову [175]). Порою даже, вспоминая о Самаринѣ, П. С. смягчается и въ отношеніи къ послѣднему [176]). Большой интересъ проявляетъ онъ къ его собственнымъ трудамъ, и, въ частности, къ извѣстнымъ его „Окраинамъ Россіи“ [177]). Съ большой грустью сообщаетъ о его смерти: „Не стало Юрія Ѳедоровича. У насъ поминаютъ его. Такихъ людей немного у насъ“ [178]).

Другимъ (уже посмертнымъ) полемистомъ Ю. Ѳ—ча былъ В. О. Ключевскій, но послѣдній принадлежитъ нашей Академіи лишь отчасти, и вопросы затронутые имъ въ спорѣ—характера чисто историческаго [179]). Хорошо знакомъ

---

[173]) „Автобіографическія записки“. Т. 5. Стр. 616—618 (Ср. тамъ же стр. 613, 616—жестокое письмо Н. П. Кирѣевской—и 626).

[174]) Письмо изъ архива Каптеревыхъ (отъ 16 мая 1885 года). Знакомствомъ съ нимъ мы обязаны П. Н. Каптереву.

[175]) Кажется П. С. зналъ его лично. См. письмо его къ Архіеп. Платону 19 янв. 1865 года („Переписка“. „Богосл. Вѣстн.“ 1911 г., іюнь, стр. 402).

[176]) Переписка съ Бахметевой. „У Троицы въ Академіи“. Стр. 547—548.

[177]) Тамъ же. Стр. 539.

[178]) Тамъ же. Стр. 586.

[179]) См. В. Ключевскій; „Крѣпостной вопросъ наканунѣ законодательнаго его возбужденія“.—Критическая статья о 2-мъ томѣ сочиненій Ю. Самарина („Критическое Обозрѣніе“. 1879 г. № 3. Стр. 1—14. Особенно

былъ Ю. Ѳ. съ Ѳ. А. Голубинскимъ и А. В. Горскимъ. О первомъ онъ писалъ А. О. Смирновой (Россети): „Познакомились ли вы у Троицы съ Голубинскимъ? Вотъ, въ полномъ смыслѣ, мудрецъ—ребенокъ. Можетъ быть въ Россіи не найдется трехъ ученыхъ, которые могли бы съ нимъ равняться, а вмѣстѣ съ этимъ онъ простъ и добродушенъ, какъ дитя“ [180]). Посылая второму для рецензіи книгу свою объ іезуитахъ, онъ писалъ: „Ваше сужденіе было бы для меня дорого, но не смѣю Васъ объ этомъ просить, зная что Вы обременены трудами“ [181]). На диспуты къ намъ Самаринъ пріѣзжалъ „въ первый разъ по приглашенію о. Михаила (гдѣ собирался даже выступить, но послѣ блестящей рѣчи диспутана отложилъ намѣреніе [182]), во второй—по приглашенію Виктора Дмитріевича (Кудрявцева)“ [183]). Въ 1871 году онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ нашей Академіи, „въ уваженіе глубокаго сочувствія интересамъ православія и сильнаго правдою обличенія враговъ его“. Предложеніе объ избраніи было подписано ректоромъ Е. В, Амфитеатровымъ, и профессорами о. Ф. А. Сергіевскимъ и П. И. Горскимъ [184]). Близокъ былъ Ю. Ѳ. и съ упомянутымъ уже не разъ изгнанникомъ нашимъ Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ. Ему адресуетъ онъ свои извѣстныя письма о матеріализмѣ [185]), вмѣстѣ съ

---

стр. 13, 2—14, 1).—Въ „Руси“ 1880—1881 г. № 1, стр. 10, 1 и прим и № 12, стр. 14, 3 отвѣтныя строки Д. Ѳ. Самарина (Статьи о крестьянскихъ надѣлахъ и теоріи Янсона).—Ключевскій отвѣчалъ въ № 28 („Право и фактъ въ исторіи крестьянскаго вопроса“—стр. 14—17). Статья снабжена многими редакціонными замѣчаніями (И. Аксакова). Въ общемъ В. О. говоритъ то же, что и Самаринъ, но расходится съ нимъ лишь въ чисто историческомъ вопросѣ о происхожденіи крѣпостного права, котораго Ю. Самаринъ касался лишь по стольку, по скольку это было ему необходимо для практическаго разрѣшенія задачи эмансипаціи.

[180]) Сочиненія. Т. 12. Стр. 378 (свидѣтельство это однажды уже было приведено нами на страницахъ „Богосл. Вѣстн.“ См. № 11 за 1912 г. „Слово на день поминовенія почившихъ наставниковъ“. Стр. 452, прим. 2-е). Ѳ. А. Голубинскій бывалъ у Самариныхъ (См. „У Троицы въ Академіи“. Стр. 56, прим. 1).

[181]) Тамъ же. Стр. 326.

[182]) Тамъ же. Стр. 155 и 156.

[183]) Изъ письма А. В. Горскаго къ П. С. Казанскому („Переписка Казанскаго съ Архіеп. Платономъ“) См. „Богосл. Вѣстн.“ 1903 г. Май. Стр. 128.

[184]) „Журналы Совѣта М. Д. А. за 1871 г.“, стр. 217 (28 ноября).

[185]) Въ 6-мъ томѣ сочиненій, стр. 540—554 (ср. прим. на стр. 540).

нимъ переводитъ французскія статьи Хомякова, ему посылаетъ на просмотръ предисловіе къ послѣднимъ [186]) и принимаетъ рядъ поправокъ [187]). Съ другой стороны, именно Гилярову принадлежитъ извѣстная фраза о томъ, что привлеченіе Ю. Ѳ. Самарина къ дѣламъ городского хозяйства есть „топленіе печи краснымъ деревомъ“ [188]), фраза, ярко выражающая его собственное высокое мнѣніе о Самаринѣ.

Что же касается до отношенія самого Ю. Ѳ. Самарина къ нашей Академіи, то оно всего лучше опредѣляется однимъ его собственнымъ письмомъ, сохранившимся въ рукописномъ архивѣ Самариныхъ. „Сколько тамъ, пишетъ онъ про нашу Академію кн. Черкасской, накоплено знанія, сколько честныхъ добросовѣстныхъ трудовъ, сколько почтенной скромности и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мало производительности!“ *) „Въ Троицкой Академіи, говоритъ онъ далѣе, заняты теперь громадной работой, на которую уже получено благословеніе Митрополита. Дѣло идетъ объ изданіи толковаго библейскаго словаря. Это работа вѣроятно лѣтъ на пятьдесятъ. По крайней мѣрѣ хорошо что приступили къ дѣлу“ [189]). Но всего знаменательнѣе слѣдующія его слова: „Вы, обращается онъ къ той же кн. Черкасской, вѣроятно уже слышали отъ Милютина, что я назначенъ предсѣдателемъ (Самарскаго) губернскаго земскаго собранія, которое должно открыться 28 Декабря (1865 года). Я серьезно помышляю о томъ, чтобы переѣхать въ Троицкую Лавру и поступить въ тамошнюю Духовную Академію, разумѣется, по возвращеніи изъ Самары и не ранѣе, какъ въ Февралѣ“. Это желаніе далѣе мотиви-

---

[186]) См. „Сборникъ сочиненій“ Гилярова, т. 2, стр. 63 (Черновикъ—въ архивѣ Самариныхъ).

[187]) Тамъ же. Стр. 64—66.

[188]) Тамъ же. Стр. 466.

*) Утвержденіе, конечно, вполнѣ справедливое, по скольку касается Академіи временъ М. Филарета. Такое же впечатлѣніе осталось, какъ извѣстно, у слышавшихъ во время празднованія 50-ти-лѣтія ея, чтеніе „Исторической Записки“ объ Академіи. „Почетные гости, воспитанники академіи, говоритъ проф. А. Д. Бѣляевъ, выслушавъ историческую записку, съ улыбкою другъ другу говорили: не много же сдѣлала академія для учености („Проф. П. С. Казанскій и его переписка...“. „Б. В.“ 1910. февр. примѣчаніе на стр. 285-ой)“.

[189]) Писано въ декабрѣ 1865 года. Ровно 50 лѣтъ назадъ!

руется тѣмъ, что въ Москвѣ буквально „не съ кѣмъ слова вымолвить“ [190]).

Намѣреніе Ю. Ѳ. не осуществилось, но слова его крайне характерны для выясненія общаго славянофильскаго взгляда на Московскую Академію. Они сказаны черезъ пять лѣтъ послѣ смерти Хомякова, любимаго учителя Самарина, которому послѣдній былъ преданъ беззавѣтно. Если бы Хомяковъ видѣлъ въ нашей Академіи одну лишь оффиціальную свою противницу, Самаринъ никогда бы не написалъ приведенныхъ словъ.

Много лѣтъ спустя, подобная же попытка поступить въ нашу Академію повторилась въ семьѣ брата Ю. Ѳ—ча Д. Ѳ. Самарина. Но и на этотъ разъ помѣшали внѣшнія причины [191]). Послѣднему также обязана наша Академія учрежденіемъ стипендіи имени его покойнаго брата, причемъ назначенія кандидата происходили обычно съ вѣдома Д. Ѳ—ча [192]).

Съ другой стороны и Московская Академія отвѣчала Самаринымъ такимъ же вниманіемъ. Вслѣдъ за Ю. Ѳ. она избрала своими почетными членами двухъ его племянниковъ— Ѳ. Д. [193]) и А. Д. Самариныхъ. Избраніемъ въ 1913 году Ѳ. Д. Самарина она какъ бы завершила первый вѣкъ исторіи своихъ отношеній къ славянофиламъ: избраніемъ въ 1915 году А. Д. открывается новое столѣтіе ея существованія. Оно открывается подъ славянофильскимъ знакомъ и въ славянофильскіе дни. Не значитъ ли это, что и въ будущемъ Академія останется вѣрной своимъ старымъ завѣтамъ? [194])

---

190) *Рукопись. Письмо отъ 8—декабря 1865 г.*

191) Письмо Д. Ѳ. Самарина къ С. К. Смирнову въ архивѣ Каптеревыхъ.

192) См. напр. Журн. Совѣта за 1882 г., стр. 129 и 199.

193) „Во вниманіе къ его дѣятельности на пользу Св. Церкви какъ путемъ литературнымъ, такъ и прямымъ участіемъ въ работахъ Предсоборнаго Присутствія („Журн. Сов. за 1912 г.“, стр. 548, 29 сент.)“. Ср. „Богосл. Вѣстн.“ за тотъ же годъ, декабрь, стр. 864.

194) Ю. Ѳ, Самарину посвящены курсовыя сочиненія студентовъ 66 курса А. Лебедева („Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, какъ церковный писатель и дѣятель по освобожденію крестьянъ“), писанное подъ руководствомъ проф. М. М. Богословскаго (отзывы въ Журн. Совѣта за 1911 г. стр. 248—252) и—68 курса Ѳ. Андреева („Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ какъ богословъ и философъ“), начатое подъ руководствомъ † проф. А. И Введенскаго и оконченное подъ руководствомъ проф. С. С. Глаголева. Журн. Сов. 1913, стр. 184—196).

Наши замѣтки были бы неполны, если бы мы теперь, вслѣдъ за ранними и великими славянофилами, не вспомнили славянофиловъ позднѣйшихъ и меньшихъ, Но, чтобы нашъ разсказъ не уклонился въ безмѣрное, по количеству именъ сихъ меньшихъ „москвичей“, и намъ не грозила опасность утерять простую славянофильскую мысль въ богатствѣ ея преломленій, мы и здѣсь, оставаясь вѣрными своему методу историческихъ показаній, ограничимся лишь тѣми немногими именами, за славянофильство которыхъ ручаются сами великіе славянофилы. Къ числу ихъ относится прежде всего М. П. Погодинъ. Вотъ что говоритъ о немъ послѣдній изъ помянутыхъ нами великихъ славянофиловъ. „Изъ профессоровъ того времени, разсказываетъ въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ Ю. Ѳ. Самаринъ, сильнѣе всѣхъ дѣйствовалъ не только на меня, но и на многихъ другихъ Погодинъ... Мы чувствовали въ немъ самостоятельное направленіе мысли, направленіе согрѣтое глубокимъ сочувствіемъ къ русской жизни... Передать содержаніе его лекцій я былъ бы не въ состояніи; но мы были наведены имъ на совершенно новое воззрѣніе на русскую исторію и русскую жизнь вообще. Формулы западныя къ намъ не примѣняются: въ русской жизни есть какія-то особенныя, чуждыя другимъ народамъ начала; по инымъ еще не опредѣленнымъ наукою законамъ совершается ея развитіе... Погодинъ первый, заключаетъ Самаринъ, по крайней мѣрѣ первый для меня и для моихъ товарищей, убѣдилъ въ необходимости разъясненія явленій русской исторіи изъ нея самой“ [195]). Но, вѣдь изъ такого имманентнаго отношенія къ русской исторіи и выросло все славянофильство, какъ и самый славянофильскій символъ Россіи—Москва возникла изъ объединенныхъ и уплотненныхъ вокругъ нея удѣловъ. Погодинъ былъ учителемъ младшаго поколѣнія раннихъ славянофиловъ, поэтому на немъ мы и остановимся прежде всего въ этой послѣдней главѣ, хотя, по существу, ему, можетъ быть, принадлежитъ мѣсто нѣсколько менѣе близкое къ этому первому славянофильскому поколѣнію, чѣмъ тѣмъ изъ позднѣйшихъ, о которыхъ мы скажемъ далѣе.

---

[195]) „Изъ воспоминаній Ю. Ѳ. Самарина объ университетѣ 1834—1838 г.“ „Русь“. 1880. № 1. Стр. 19, 2 —3.

Связь Погодина съ нашей Академіей прослѣдить довольно легко, при помощи огромнаго изслѣдованія о немъ Барсукова, и она богата фактами, благодаря главнымъ образомъ уже отмѣченному единству историческаго направленія нашей Академіи и самого Погодина. На почвѣ изученія русской исторіи послѣдній столкнулся съ цѣлымъ рядомъ ученыхъ историковъ—профессоровъ нашей Академіи и ея бывшихъ питомцевъ (А. В. Горскимъ, П. С. Казанскимъ, К. И. Невоструевымъ, В. М. Ундольскимъ, архіеп. Филаретомъ Гумилевскимъ [196]), С. К. Смирновымъ *) и др.) и многими изъ тѣхъ, предметы занятій которыхъ стояли близко къ исторіи (К. А. Неволинымъ [197]), П. С. Билярскимъ [198]). А. Е. Викторовымъ [199]), братьями Баршевыми [200]) и др.). Но на исторіи сношеній его съ упомянутыми лицами мы не будемъ останавливаться подробно, т. к. характеръ этихъ сношеній былъ чисто внѣшній, исключительно на почвѣ общихъ научныхъ интересовъ. Отмѣтимъ лишь нѣсколько фактовъ, болѣе общаго славянофильскаго и академическаго значенія.

Вотъ, напр., одно письмо А. В. Горскаго къ Погодину, гдѣ онъ указываетъ послѣднему на то, что славянофильство политическое, которымъ послѣдній, въ пессимистическую минуту, думалъ было ограничиться, нельзя разсматривать внѣ славянофильства исповѣднаго, опирающагося на религіозныя

---

[196]) См. напр. „Жизнь и труды Погодина“. Т. 6, стр. 307 и т. 7, стр. 205—206. Въ немъ же, какъ извѣстно, Самаринъ имѣлъ ближайшаго и едва ли не единственнаго помощника въ своей борьбѣ съ остзейскими баронами (ср. тамъ же, т 10, стр. 39, 64, 67 и сл.).

*) Переписка. См. „У Троицы въ Академіи“, стр. 573—596. Интересно, что Погодинъ самъ не разъ собирался писать исторію нашей Академіи (см. „Жизнь и труды“, т. 19, стр. 315, ср. т. 8, стр. 510).

[197]) См. тамъ же, т. 4, стр. 269 и 368; т. 7, стр. 14; т. 10, стр. 43—44; т. 11, стр. 489 и т. 14, стр. 196—197.

[198]) Былъ въ пансіонѣ Погодина преемникомъ Ир. Введенскаго по учительству. Рекомендованъ послѣднимъ и тоже обычно считается въ числѣ его послѣдователей. Наслѣдовалъ и мѣсто послѣдняго въ Петербургѣ (ср. Венгеровъ „Крит.-Библіогр. словарь русск. литераторовъ и ученыхъ“. Т. 3. Спб. 1892. Стр. 289—295. Статья В. Якоблева. Объ отношеніяхъ къ Погодину—у Барсукова; т. 5, стр. 29, 225—226, 366—369 и т. 7, стр. 215).

[199]) Интересное письмо его къ Погодину см. у Барсукова „Жизнь и труды Погодина“, т. II, стр. 307—308.

[200]) Съ С. И.—Погодинъ—коллега по университету (ср. тамъ же, т. 10, стр. 147 и—по указателю).

предпосылки. „Не скрою отъ васъ, писалъ онъ Погодину, что на меня слишкомъ непріятно подѣйствовали строки: *Великодушіе, рыцарство, благородство, честь, такъ называемыя должно отложить пока въ сторону. Царство Христово не отъ міра сего. Для людей,—Новый Завѣтъ, а для государствъ, въ политикѣ,—Ветхій: око за око, и зубъ за зубъ. А иначе они и существовать не могутъ.* Что же будетъ, подумалъ я, съ міромъ Христіанскимъ, когда онъ захочетъ отречься, освободить себя отъ законовъ Царства Христова? И развѣ законъ Христовъ запрещаетъ намъ защищать свою вѣру, свое святое призваніе, своихъ страждущихъ собратій? Развѣ Церковь не благословляетъ оружіе нашихъ воиновъ, или она то дѣлаетъ вопреку закону Христову? Нѣтъ! позвольте думать, что въ словахъ вашихъ высказалось болѣе, нежели сколько вы хотѣли сказать? *Сія есть побѣда побѣждающая міръ, вѣра наша.* Вотъ опора для Христіанина въ годину испытанія! Она спасала насъ многократно; спасетъ и нынѣ. Она связала судьбу нашу съ судьбою Царьграда: не разлучитъ и нынѣ. Славянскимъ народамъ, отъ него пріявшимъ вѣру, скажется само собою ихъ родство между собою и союзъ вѣчный съ ихъ просвѣтителями“ [201]).

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ Г'орскій указываетъ какъ бы нѣкоторое мистико-историческое подтвержденіе своихъ словъ: „Взгляните, говоритъ онъ, въ *Святцы*: 11 мая, Обновленіе Царь-града и память Кирилла и Меѳодія. Что это? Пророчество или случайность?—Св. Кириллъ скончался 14 февраля, Св. Меѳодій—6 апрѣля. Но празднованія имъ обоимъ 11 маія, въ древнихъ мѣсяцесловахъ не встрѣчалъ я. По какому же поводу отнесено оно ко дню воспоминанія объ *Обновленіи Царь-града?* Или церковь Русская, задолго еще до настоящаго времени, хотѣла замѣнить утраченную славу столицы православія другимъ воспоминаніемъ, болѣе обѣщающимъ впереди.... Мнѣ нужно позаботиться, чтобы и у насъ, въ нашемъ академическомъ обществѣ, день этотъ не прошелъ безслѣдно“ [202])...

---

[201]) Тамъ же, т. 13, стр. 96—98.

[202]) Тамъ же, т. 21, стр. 256—257 (ср. „У Троицы въ Академіи“, стр. 324—325). Для дальнѣйшей характеристики отношеній, см. еще т. 5, стр. 350—351; т. 6, стр. 309—310; т. 11, стр. 222 —характеризуютъ отношенія Горскаго, и т. 7, стр. 168—170—существенны для характеристики отно-

Нѣкоторыя письма къ Погодину П. С. Казанскаго интересны въ другомъ отношеніи: столь неуступчивый, какъ мы видѣли, въ вопросахъ чисто богословскихъ и подозрѣвающій еретическія новшества даже тамъ, гдѣ ихъ по существу нѣтъ, онъ въ вопросахъ чисто-историческихъ оказывается, напротивъ, всецѣло на сторонѣ новыхъ научныхъ теченій. Отрекомендовавшись, какъ человѣкъ, не принадлежащій „ни къ Словенофиламъ, ни Скандинавоманамъ“ [203]), онъ горячо защищаетъ передъ Погодинымъ новую, скептическую школу русской исторіи:

„Мнѣ кажется пишетъ онъ ему, напрасно вы такъ горячо нападаете на такъ-называемую вами новую школу Исторіи Русской. Если и есть тутъ односторонность, за то сколько новыхъ, свѣжихъ мыслей брошено въ сокровищницу свѣдѣній о нашей Древней Руси. Хотя бы и всѣ эти мысли были несправедливы, но не онѣ ли заставляютъ васъ, ветерановъ науки, вновь переизслѣдовать многія стороны жизни Русской, на которыя прежде не такъ много обращали вниманія? А развѣ это маловажная заслуга? Взглядъ расширяется, открываются новыя стороны, и истина восторжествуетъ. Стало быть, есть слабыя стороны и въ старой школѣ, когда она подвергается нападеніямъ; аксіомы не станутъ опровергать“ [204]). „Не скептическому ли направленію, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, обязаны мы тѣми прекрасными изслѣдованіями, которыя мы имѣемъ о Древней нашей Исторіи. Скептицизмъ заставляетъ насъ глубоко входить въ предметъ, обращать вниманіе на тѣ стороны, которыя ускользали отъ насъ“ [205]).

---

шеній къ нему Погодина. Другія, менѣе значительныя встрѣчи—по указателю. Въ дневникѣ Горскаго имени Погодина, сколько помнится, не встрѣчается. Отрывокъ изъ писемъ его къ послѣднему въ „Богосл. Вѣст.“ 1914 г., окт., стр. 406.

[203]) См. „Письмо проф. Казанскаго къ М. П. Погодину о нѣкоторыхъ предметахъ относящихся до русской исторіи“. „Москвитянинъ“. 1849 г. Ч. 2. Смѣсь. Стр. 9.

[204]) „Жизнь и труды Погодина“, т. 9, стр. 145—146. Письмо отъ 23 янв. 1849 г.

[205]) Тамъ же, т. 10, стр. 474. Другія болѣе или менѣе интересныя, свѣдѣнія объ ихъ отношеніяхъ см. тамъ же, т. 9, стр. 156—157 (Казанскій о „гибельной цензурѣ духовной!“) и стр. 159—161. Самое знакомство произошло, кажется, въ 1847 году, въ Лаврѣ (тамъ же, стр. 159).

Съ Невоструевымъ Погодина познакомилъ Ѳ. А. Голубинскій [206]), но судя по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что Погодинъ деспотически злоупотреблялъ скромностью и покорностью молодого ученаго [207]). Въ Ундольскомъ онъ, наоборотъ, уважалъ достойнаго представителя „Москвы".

„Разсужденіе Ундольскаго о вруцѣлѣтіяхъ, говоритъ Погодинъ,—образецъ трудолюбія, начитанности, учености. Укажите, читатели, гдѣ въ Россіи, кромѣ Москвы, является столько тружениковъ, которые, не щадя живота, тратятъ свое время, силы на такіе, въ смыслѣ большинства, неблагодарные предметы. Написать такую статью надо по крайней мѣрѣ мѣсяца два—три пристальной работы, а прочтетъ ее кто?... рецензентъ, и то не всякій, редакторъ,

Да двѣ, три трепетныя лани,
Звѣришки бѣдные, безъ связи, безъ подпоръ.

„Прибавьте, что изъ этихъ десяти читателей половина станетъ бранить автора, а гдѣ ему награда, гдѣ ободреніе, гдѣ похвала" [208])?

Отношенія Погодина къ юристамъ и филологамъ, вышедшимъ изъ нашей Академіи, были еще болѣе внѣшни. Одинъ лишь Надеждинъ удостоился его прочной и долговременной дружбы.

Гораздо характернѣе и значительнѣе отношенія Погодина къ Ѳ. А. Голубинскому, съ которымъ его связали не общность научныхъ интересовъ, а—гораздо болѣе—общность нѣкоторыхъ религіозно-философскихъ вопросовъ, котбрымъ Погодинъ тоже удѣлялъ не мало времени. Черезъ Ѳ. А. произошло и первое сближеніе его съ нашей Академіей. Самое знакомство устроилъ Надеждинъ.

Передъ путешествіемъ къ Троицѣ онъ писалъ Погодину: „инструкціи тебѣ не пишу, потому, что некогда. Голубинскій тебѣ все однако покажетъ. Я просилъ его объ этомъ. Да смотри—не ударь себя въ грязь Харьковскимъ своимъ уни-

---

206) Въ концѣ 1837 года. См. письмо къ нему Голубинскаго, тамъ же т. 5, стр. 20—21.

207) См. письмо Невоструева къ Погодину, тамъ же, т. 9, стр. 155—156. Похвально-покровительственное замѣчаніе о немъ Погодина, т. 10, стр. 380.

208) Тамъ же, т. 10, стр. 493—494. На стр. 264, т. 7-го вспоминается какая-то, связанная съ его именемъ, скандальная исторія съ пропажей книгъ изъ нашей или Лаврской библіотеки.

верситетомъ. Я ему хвалилъ тебя до самаго нельзя. Не срами меня-то ради Бога!.. Помни, пожалуйста, что ты будешь не просто съ попомъ имѣть дѣло, а съ человѣкомъ, которому подобнаго я еще по сю пору на Руси не видывалъ. О пустякахъ не забалтывайся; но и не показывай себя педантомъ. Однимъ словомъ дѣйствуй по сердечному движенію, достойнымъ себѣ образомъ. Мнѣ право хочется сблизить тебя съ этимъ человѣкомъ“ [209]).

„Былъ я у Троицы, писалъ вскорѣ послѣ того Погодинъ Шевыреву въ Римъ, молился и доволенъ. Какія умилительныя сцены тамъ бываютъ, какое усердіе, молитвенный жаръ, вѣра!.. И сколько воспоминаній тамъ! Всѣ книги о новой Нѣмецкой философіи въ рукахъ у студентовъ, и профессоръ Философіи чудный человѣкъ, какъ утверждаютъ всѣ, чему и я не нашелъ противорѣчія въ короткое знакомство. Еслибъ наше духовенство приладилось къ мірянамъ, научилось бы сообщаться съ ними, то просвѣщеніе наше вдругъ увеличилось бы втрое!“ [210]).

„Сблизился я съ нашею Троицкою Академіею, говоритъ онъ ему въ другомъ письмѣ, въ которой множество людей первоклассныхъ. Вообрази, что тамъ переведено почти все изъ новой Нѣмецкой философіи, и Шеллингъ извѣстенъ тамъ такъ, какъ и въ голову не попадется какому-нибудь... Давыдову. Сотрудниковъ тамъ множество, и чтобы я при такой перспективѣ уничтожилъ *Московскій Вѣстникъ*. Молчи, нетвердый! Да что у насъ будетъ, когда черезъ годъ мы сядемъ всѣ дома и единодушно начнемъ свое священнодѣйствіе? Умолкнутъ предъ нами эти шмели... и поклонятся“ [211]).

Позже Погодинъ сблизился съ Голубинскимъ еще тѣснѣе, какъ свидѣтельствуетъ о томъ довольно обширная ихъ переписка. Почти вся она имѣетъ строго принципіальный характеръ.

„Судя по вашимъ воззрѣніямъ на движеніе человѣчества, пишетъ ему Голубинскій, особенно по тѣмъ, какія могъ я

---

[209]) Тамъ же, т. 3, стр. 61.

[210]) „Письма М. П. Погодина къ С. П. Шевыреву“, „Русск. Архивъ“ 1882 г., ч. 3-я, стр. 147—148 (—отъ 15 мая 1830 года).

[211]) Тамъ же, стр. 152.

слышать въ незабвенные для меня два вечера Страстной Недѣли, кажется, мы сойдемся во многомъ“ [212]).

„Такъ ли я, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, понялъ загадку вашу о діагональномъ движеніи рода человѣческаго? Мнѣ представляется при ней лѣстница, въ которой одна ступенька, по діагональному направленію дошедшая до бока лѣстницы, гонитъ другую къ противоположному боку, напримѣръ отъ запада къ востоку, потомъ отъ востока къ западу, такъ: Одно, особенно усилившееся и дошедшее до крайняго напряженія вызываетъ за собою другое (деспотизмъ — анархію, матеріализмъ—идеализмъ, емпиризмъ—раціонализмъ и т. д.), а это въ свою очередь, дошедши до предѣла, заставляетъ духъ человѣческій опять оборотиться, съ новыми усиліями, къ оставленной прежде странѣ. Между тѣмъ человѣчество все идетъ по лѣстницѣ впередъ и впередъ. Не можно ли начертить и другую схему, не во многомъ отличную отъ прежней. Послѣ двухъ противоположныхъ направленій—линія примиренія, умѣренія одного другимъ (послѣ деспотизма и анархіи умѣренное правленіе). Или это мечты, и я неправильно выразумѣлъ ваши намеки? Желалъ бы послушать васъ и поговорить съ вами о томъ и другомъ, по поводу вашей книги, противъ немногихъ замѣчаній высказать свои сомнѣнія... но весьма рѣдко бываю господиномъ своего времени“ [213]).

„Кромѣ постоянныхъ хлопотъ по классу, поясняетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, лежатъ на рукахъ девять книгъ и рукописей, не совсѣмъ исправно переведенныхъ, которыя нужно исправлять, частію по требованію начальства, частію по данному слову. Нѣсколько высвободившись отъ этого груза, я постарался бы представить вашему вниманію что-нибудь, относящееся къ Исторіи Философіи... Съ исполиномъ Берлинскимъ (Гегелемъ) бороться едва ли будетъ мнѣ подъ силу; яснѣе другихъ видны для меня несообразности его ученія съ ученіемъ чисто Христіанскимъ“ [214]).

„Давно хотѣлось мнѣ, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,

---

[212]) „Жизнь и труды Погодина“, т. 5, стр. 498—499.

[213]) Тамъ же, т. 4, стр. 369 (по поводу прочтенныхъ имъ, въ первый разъ, „Афоризмовъ“ Погодина).

[214]) Тамъ же. т. 5, стр 498.

попросить васъ о исправленіи одного мѣста въ переводѣ Исторіи Беттингера. Не упомню точно слова, но смыслъ сего мѣста: Учители Церкви въ IV-мъ и слѣдующихъ вѣкахъ слишкомъ много занимались спорами о тонкихъ вопросахъ Богословскихъ; въ примѣръ такихъ тонкостей приведенъ вопросъ: *единосущенъ ли Сынъ Божій Отцу Своему?* Вамъ извѣстно, что эта истина не есть пустая, ненужная и схоластическая тонкость: но одна изъ важнѣйшихъ истинъ христіанскаго ученія. Безъ Спасителя нѣтъ спасенія; а Спасителемъ всего рода человѣческаго не могъ быть кто иной кромѣ Единороднаго Сына Божія, который по Существу Своему есть едино со Отцемъ. На этомъ держатся всѣ наши надежды. Если бы въ этомъ усомнились мы, то устыдилъ бы насъ старинный человѣкъ другъ Плотина—Амелій, который желалъ, чтобы въ вышнихъ училищахъ Мудрости золотыми буквами начертаны были *первыя слова Евангелія Іоаннова*“ [215]).

Есть, впрочемъ, среди писемъ Голубинскаго къ Погодину письма болѣе случайнаго характера. Въ одномъ изъ нихъ, напр., рѣчь идетъ объ извѣстномъ стихотвореніи Мея: „Отойди отъ Меня, Сатана!“, гдѣ поэтически пересказано искушеніе царствами міра сего. Стихотвореніе, какъ извѣстно, все посвящено самому „искушенію“, а Христова побѣда отодвинута на задній планъ, какъ несущественная подробность. Оно похоже съ этой стороны на тѣ безчисленныя ложноклассическія изображенія „Искушеній св. Антонія“, гдѣ все полотно тоже занято искушеніями, а св. Антоній помѣщается гдѣ-нибудь въ углу, самъ являясь своего рода искушеніемъ для художника, вѣроятно съ большой охотой помѣстившаго бы на его мѣстѣ еще какой-нибудь изъ „соблазновъ“.

„Картины, представляемыя адскимъ фокусникомъ, говоритъ Голубинскій, изображены свѣжими и живыми красками, но совсѣмъ не въ тонѣ повѣствованія Евангельскаго, Suus est cuique poemati sonus, говоритъ Цицеронъ. Иного читателя могутъ прельстить роскошныя изображенія прелестей языческихъ—гетеры-наяды, плясуньи-дріады, баядеръ и лаисъ. Правда, чѣмъ чортъ не тѣшится? Но не всѣ же его потѣхи обнажать предъ читателями православными, тѣмъ паче, что

[215]) Тамъ же, т. 4, стр. 173—174.

въ Евангеліи сказано объ этомъ весьма кратко: *вся царствія міра и славу ихъ*... Слава царствъ міра не то, что обаянія скульптуры Греческой.—А тутъ еще что за слава—въ снѣгу Сѣвера? У Шотландцевъ есть басненное преданіе, будто искуситель, показывая Сыну Божію всѣ царства вселенной, закрылъ пальцемъ Ферерскіе острова: такъ мало привлекательности находятъ въ дикихъ горахъ и дебряхъ сѣверныхъ самые жители странъ сѣверныхъ [216]).—Слово: мимо!.. не выражаетъ величія и премудрости Спасителя. Въ немъ слышится что-то площадное, похожее на равнодушное выраженіе: проваливай! Митрополитъ Московскій о подобныхъ изображеніяхъ такъ отзывается: тутъ нѣтъ священнаго приличія. Нельзя же, ставши на клиросъ, запѣть *На что ты сердце страстно природой мнѣ дано?*“ [217]).

Наконецъ, Голубинскій же познакомилъ Погодина еще съ

---

[216]) Замѣчаніе Ѳ. А. совершенно справедливо: въ то мгновеніе времени, въ теченіе котораго искуситель рисуетъ свои картины, Сѣверъ представляется, дѣйствительно, мало привлекательнымъ:

„Сѣверъ... Теряясь въ безвѣстной дали.
Разметались широко поляны:
Смурой шапкой нависли туманы
Надъ челомъ побѣлѣлымъ холодной земли.
*Нечѣмъ тѣшить пытливые взоры* и т. д.“

Но, Мей зоветъ на помощь славянофильскія идеи. Русскій Сѣверъ, пророчествуетъ онъ—

„....Воспрянетъ и, долгій нарушивши миръ,
Глыбы снѣга свои вѣковыя
И оковы свои ледяныя
Съ мощныхъ плечъ отряхнетъ на испуганный міръ...“

(Въ изданіи Маркса, т. I, стр. 135—136. Курсивъ нашъ—Ѳ. А.).

[217]) „Жизнь и труды Погодина“. Т. II, стр. 403—405 (О Погодинѣ и Голубинскомъ см. еще интересныя замѣчанія послѣдняго на издаваемыя Погодинымъ сочиненія еп. Иннокентія Херсонскаго, тамъ же, т. 7, стр. 160—162. Ср. тамъ же, т. 3, стр. 78, выписки изъ дневника Погодина (въ пересказѣ Барсукова): „При встрѣчахъ они Погодинъ и Надеждинъ вели безконечные разговоры и при томъ самые разнообразные: объ исторіи, о признакахъ настоящаго времени, университетѣ, объ исторіи философіи, о Русскихъ ученыхъ за монастырскими стѣнами..., о Голубинскомъ, объ Аѳанасіи, которымъ они желали „дать дѣло“... и стр. 309: „Въ деревнѣ Погодинъ самымъ идиллическимъ образомъ... Пьетъ чай на балконѣ. Читаетъ подъ открытымъ небомъ Жуковскаго, нравственную философію Голубинскаго“.

однимъ питомцемъ нашей Академіи, правда очень далеко отстоящимъ и отъ своей almae matris и отъ славянофильства, но въ печальной біографіи котораго и Голубинскому и Погодину принадлежитъ видная и достойная памяти роль. Мы говоримъ объ извѣстномъ Иринархѣ Ив. Введенскомъ. Страстно-религіозный въ ранней молодости, каждое утро встрѣчавшій восходъ солнца надъ Волгой пѣніемъ великаго славословія [218]), онъ впослѣдствіи сталъ однимъ изъ родоначальниковъ поколѣнія шестидесятниковъ и идейнымъ учителемъ Чернышевскаго. Преосв. Никаноръ Херсонскій, желая реабилитировать нашу Академію, всю вину въ позднѣйшемъ атеизмѣ Введенскаго взваливаетъ на университетъ [219]), но корни его нужно повидимому искать въ личномъ, неуравновѣшенномъ и впечатлительномъ характерѣ Введенскаго. Письмо его къ Погодину объясняетъ причину преждевременнаго ухода его изъ Академіи:

„При крѣпкомъ сангвиническомъ темпераментѣ, говоритъ онъ, я получилъ отъ природы душу сильную, воображеніе живое, способности быстрыя. Такимъ пріѣхалъ я въ Духовную Академію. Не имѣя ни малѣйшей склонности къ предметамъ, требующимся для образованія Русскаго пастыря церкви, и занимаясь большею частью предметами (напр. Французскою, Нѣмецкою и Англійскою словесностію), на которые Академія вовсе не обращаетъ вниманія, я шелъ тамъ однакожъ весьма хорошо, и безъ большихъ усилій съ своей стороны, могъ получить степень магистра богословскихъ наукъ. Таково было мое положеніе, когда неопытный, вовсе не имѣвшій понятія о свѣтѣ и людяхъ, я вошелъ въ домъ Засѣцкихъ. Судьба моя рѣшилась, когда я увидѣлъ и узналъ *ее*... Страсть мою замѣтили еще прежде, чѣмъ самъ я

---

[218]) См. „Бесѣда преосв. Никанора архіеп. Херсонскаго и Одесскаго на день св. Андрея Первозваннаго, для Одесской духовной семинаріи, по случаю храмовóго ея праздника. О значеніи семинарскаго образованія“ „Странникъ“. 1890 г., май, стр. 35.

[219]) Тамъ же, стр. стр. 36—возраженіе „Гражданину“—или—въ „Церк. Вѣдом.“ 1890 г. № 29, стр. 947, 2—948, I („Изъ журнальныхъ статей“). Подобную же связь идейной интеллигенціи 60-хъ годовъ съ семинаріей пытается установить и „Авторъ Современной Россіи“ въ другой своей книгѣ: „Наши государственные и общественные дѣятели“. Спб. 1890. См. статью о Чернышевскомъ, стр. 311 и сл.

могъ дать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ. Меня лелѣяли, подавали всякую надежду на осуществленіе моихъ видовъ; меня сближали съ нею, позволяли открыто говорить ей о своей любви; я былъ въ ихъ домѣ почти свой... Адски подготовленный случай въ одно мгновеніе разстроилъ всѣ мои надежды; и я погибъ! Убитый и душою и тѣломъ, семь мѣсяцевъ пролежалъ я въ Московской больницѣ. Меня не навѣстили, мнѣ не отвѣчали на письма, писанныя въ бореніяхъ между жизнію и смертію, меня забыли“ [220]).

„Но незабылъ несчастнаго, разсказываетъ Барсуковъ, добрый наставникъ его, достопочтенный о. протоіерей Ѳ. А. Голубинскій, который писалъ о немъ Погодину (10 іюля 1838 г.). „Состраданія вашего прошу къ студенту Введенскому. Четыре года тому назадъ онъ поступилъ въ Московскую Духовную Академію съ очень хорошими способностями и познаніями, и въ философскомъ отдѣленіи причисленъ былъ къ студентамъ перворазряднымъ. Но на послѣднемъ году учебнаго курса жестокая и продолжительная болѣзнь заставила его просить увольненія изъ Академіи, и онъ уволенъ прежде окончанія курса только со степенью студента, между тѣмъ какъ прежде могъ надѣяться магистерской степени. Прежде болѣзни былъ съ нимъ въ Москвѣ несчастный случай, подавшій поводъ къ невыгоднымъ объ немъ слухамъ, о которомъ онъ самъ скажетъ вамъ: но искреннее раскаяніе изгладило слѣды онаго; послѣ того въ теченіи полугода, до сего времени, не было въ его жизни ничего предосудительнаго. При пособіи Московскихъ врачей онъ получилъ исцѣленіе отъ своей болѣзни, и теперь желаетъ слушать уроки въ Московскомъ Университетѣ, побуждаясь къ этому усердною ревностію къ ученію. Прошу васъ покорнѣйше, если онъ окажется по испытаніи достойнымъ, удостоить его принять въ Университетъ. Положеніе его крайне жалко: онъ обязанъ помогать своей матери бѣдной вдовѣ; а между тѣмъ самъ не имѣетъ въ Москвѣ ни родныхъ ни знакомыхъ и не знаетъ куда преклонить голову. Если бы вамъ возможно было доставить ему случай — хоть на время—давать уроки въ какомъ-нибудь домѣ, вы оказали бы этимъ ему великое благодѣяніе. Не откажитесь быть бла-

[220]) „Жизнь и труды Погодина“, т. 3, стр. 23—34 (лѣтомъ 1834 года).

годѣтелемъ этому безпріютному бѣдняку". „Погодинъ, разсказываетъ далѣе Барсуковъ, подалъ руку помощи и принялъ бѣднаго студента къ себѣ въ домъ въ качествѣ учителя своего пансіона". „Вы, писалъ ему позже Введенскій, сдѣлали для меня такъ много добраго, что я не умѣю, и не хочу благодарить васъ на словахъ. *Жизнь моя* отселѣ принадлежитъ вамъ. Счастливымъ себя почту, если со временемъ въ состояніи буду на дѣлѣ оказать вамъ свою благодарность".

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ Барсуковъ, Погодинъ доставилъ ему возможность поступить въ Московскій Университетъ. Но на первыхъ же порахъ Введенскій озадачилъ Погодина представленіемъ ему счета. Въ Погодинскомъ Архивѣ сохранился этотъ счетъ, писанный на клочкѣ бумаги собственноручно Введенскимъ, въ которомъ значится: „Мундиръ, панталоны, манишка, галстухъ и жилетъ—150 р. Шинель—120 р. Треуголка и шпага—30 р. Танцклассъ — 80 р. Викторъ Гюго и Шиллеръ—110 р. Двѣ пары перчатокъ и картузъ—15 р. Очки—18 р. Подвода—30 р. Итого 553 р." [221]).

Вскорѣ, однако, Введенскій покинулъ своего благодѣтеля и уѣхалъ въ Петербургъ, хотя еще долгое время писалъ ему задушевныя письма [222]). Лишь много лѣтъ спустя, уже послѣ его смерти, узналъ Погодинъ, кѣмъ сталъ его питомецъ впослѣдствіи. „Мнѣ хотѣлось узнать подробнѣе, вспоминаетъ онъ, о происхожденіи Петербургскихъ нигилистовъ, и я, къ удивленію моему, услыхалъ, что однимъ изъ ихъ родоначальниковъ былъ Иринархъ Введенскій, котораго я слишкомъ хорошо зналъ, ибо онъ жилъ долго у меня, по просьбѣ Лаврскаго профессора философіи Ѳ. А. Голубинскаго, по исключеніи своемъ изъ Троицкой Академіи". „Онъ, поясняетъ Погодинъ, сдѣлался послѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ у Ростовцева, какимъ-то высшимъ инспекторомъ, и развелъ нигилизмъ по всѣмъ корпусамъ, а Ростовцевъ думалъ, что тамъ вездѣ царствуетъ его знаменитая программа, по которой въ лицѣ Іисуса Христа указывалось преимущественно на послушаніе Его Отцу. Такія-то лица стоятъ у насъ часто во главѣ обра-

[221]) Тамъ же, стр. 24—25.
[222]) Тамъ же, 25—30.

зованія народнаго, вмѣстѣ съ другими, хотя благонамѣренными но недостаточно просвѣщенными,—какихъ же можно ожидать успѣховъ? О программѣ Ростовцева, точно какъ и о подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ, никто не смѣлъ произнести въ его время ни одного слова. Вотъ и плоды! Такіе же плоды, благодаря прежнимъ запрещеніямъ говорить, произросли и въ духовныхъ заведеніяхъ, откуда явились, по закону нравственной упругости, передовыя наши нигилисты. Это замѣчаніе о Введенскомъ, заключаетъ Погодинъ, напечатано въ газетѣ Русскій. Желательно имѣть обстоятельное извѣстіе pro и contra“ [223]).

Но, среди всѣхъ этихъ многочисленныхъ знакомствъ Погодина съ профессорами и питомцами нашей Академіи одна встрѣча осталась ему особенно памятна. Ученость тамъ играла второстепенную роль, но для души его это знакомство стоитъ, можетъ быть, всѣхъ остальныхъ. Вотъ что разсказываетъ Погодинъ въ своихъ „Чистосердечныхъ признаніяхъ“: „Сомнѣнія растравили мою душу, я сомнѣвался въ Божественномъ происхожденіи Іисуса Христа. Иногда, только очень рѣдко, проскакивали сомнѣнія, и при томъ пустыя, не крѣпкія и ничтожныя, о бытіи Бога“ [224])... Въ такомъ состояніи онъ познакомился съ однимъ изъ нашихъ питомцевъ, только что окончившемъ тогда Академію,—Василіемъ Николаевичемъ Воскресенскимъ, впослѣдствіи архимандритомъ Гавріиломъ, извѣстнымъ философомъ, одно время профессоромъ философіи Казанскаго университета. Погодинъ, которому онъ одно время преподавалъ латинскій языкъ [225]) по собственному признанію, „преклонялся предъ его обширными познаніями въ Богословіи, Философіи, Математикѣ, Словесности, языкахъ“ [226]). Но, какъ уже сказано, не въ учености была суть: Воскресенскій первый пробудилъ въ немъ задремавшее было религіозное чувство. Въ то время какъ другіе товарищи Погодина старались опровергнуть его сомнѣнія теоретически, этотъ новый другъ его, простымъ раз-

[223]) „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. Сочиненіе Михаила Погодина“. М. 1873. Стр. 283 и примѣчаніе.

[224]) „Жизнь и труды Погодина“, т. I, стр. 75.

[225]) Тамъ же. стр. 18.

[226]) Тамъ же. стр. 73.

сказомъ о бѣсноватыхъ, указалъ ему на реальность отвергаемыхъ имъ явленій. „Воскресенскій, говоритъ Барсуковъ, утверждалъ и въ доказательство приводилъ множество примѣровъ, видѣнныхъ имъ въ Троицкой Лаврѣ, что люди въ такомъ состояніи были совершенно покойны въ церкви, но будучи подводимы ко гробу Сергія, испускали ужаснѣйшіе крики, мучились и пр., точно какъ повѣствуетъ намъ Евангеліе о бѣсноватыхъ, подводимыхъ къ Спасителю. Этому человѣку, свидѣтельствуетъ Погодинъ, „повѣрить можно: онъ не суевѣръ и пустяковъ говорить не любитъ“ [227]).

Впослѣдствіи чисто внѣшнія обстоятельства разлучили Погодина съ Воскресенскимъ, но добрыя отношенія между ними сохранились на всю жизнь. „Сей безподобный человѣкъ, писалъ Погодинъ много лѣтъ спустя, еще помнитъ меня и всегда съ особеннымъ участіемъ спрашиваетъ обо мнѣ“ [228]). Мы не ошибемся если скажемъ, что однимъ изъ существенныхъ условій прочности этихъ отношеній, помимо уже указаннаго обстоятельства, послужило еще единство ихъ славянофильскихъ убѣжденій. Несомнѣннымъ, классическимъ славянофиломъ выступаетъ Воскресенскій, тогда уже архимандритъ Гавріилъ, въ своихъ позднѣйшихъ писаніяхъ и прежде всего въ своей извѣстной „Исторіи Философіи“. Уже самая идея—включить (въ тридцатыхъ годахъ!) философію русскую въ курсъ исторіи всеобщей философіи, осуществленная имъ, какъ извѣстно, въ указанномъ трудѣ, свидѣтельствуетъ, что въ его лицѣ славянофильство имѣетъ одного изъ безусловныхъ своихъ послѣдователей. Но, если мы припомнимъ, что говоритъ онъ о Россіи въ шестой части своего курса, посвященной именно русской философіи, то мы увидимъ, что сродство его ученія съ позднѣйшимъ славянофильствомъ простирается даже до частностей. Всего ближе стоитъ онъ къ И. В. Кирѣевскому. Философскій онтологизмъ послѣдняго, его ученіе о цѣльномъ разумѣ и возвеличеніе восточнаго платонизма надъ аристотелизмомъ запада—всѣ эти основныя идеи Кирѣевскаго и позднѣйшихъ славянофиловъ, съ достаточной ясностью, хотя и съ понятнымъ несовершенствомъ, уже высказаны архимандритомъ

---

227) Тамъ же, стр. 75.

228) Тамъ же, стр. 73.

Гавріиломъ за много лѣтъ до „Русской Бесѣды“ и статей Кирѣевскаго.

„Аристотель, говоритъ онъ, воцарился во всѣхъ школахъ папистическихъ и своей сухостію обезобразилъ наилучшихъ геніевъ Запада какъ напр. Ѳому Аквината, Ѳому кемпійскаго; напротивъ Россія, не отвергая логики Аристотеля, преимущественно любила Платона“ [229]). „Никогда русскій, поясняетъ онъ далѣе, подобно Декарту, не принималъ сомнѣнія за начало философіи; онъ допускаетъ одно испытаніе истины, внушая осторожность при затрудненіяхъ“ [230]). Типичнымъ для русскаго мышленія, и какъ бы введеніемъ во всю послѣдующую исторію русской философіи, архимандритъ Гавріилъ считаетъ образъ дѣйствій св. Владиміра, при избраніи имъ вѣры. Послѣ размышленій и бесѣдъ съ апологетами той или иной религіи, послѣдовало опытное изученіе чужихъ вѣръ на мѣстѣ, и лишь послѣ того былъ произведенъ самый выборъ, подкрѣпленный, въ свою очередь, божественными знаменіями. „Съ сихъ поръ, говоритъ онъ, любомудріе поставило для себя новый законъ: раціонализмъ, соображаемый съ опытомъ, повѣрять черезъ откровеніе, и никогда оно отъ сего закона не отступало“ [231]). Чтобы оправдать послѣднее утвержденіе, философъ-славянофилъ переносится сразу черезъ нѣсколько столѣтій и видитъ полное подтвержденіе всѣхъ своихъ мнѣній о русской философіи въ словахъ, какъ бы надписанныхъ надъ порталомъ нашей Академіи:

„Новое доказательство тойже истины, говоритъ онъ, представляется въ уставѣ Духовныхъ академій, утвержденномъ Императоромъ Александромъ 30 августа 1814 года. Тамъ въ § 160—163 сказано: въ толпѣ разнообразныхъ человѣческихъ мнѣній есть нить, коей профессоръ необходимо долженъ держаться. Сія нить есть истина Евангельская. Онъ долженъ быть внутренно увѣренъ, что ни онъ ни ученики его, никогда не узрятъ свѣта вышней философіи, единой, истинной, если не будутъ его искать въ ученіи христіан-

---

229) „Исторія философіи. Архимандрита Гавріила“. Казань. 1839. Часть 6-я, стр. 25.

230) Тамъ же, стр. 5.

231) Тамъ же, стр. 19.

скомъ; что тѣ только ѳеоріи суть основательны и справедливы, кои укоренены, такъ сказать, на истинѣ евангельской: ибо истина есть едина, а заблужденія безчисленны. Между древними Платонъ есть первый столпъ истинной философіи. Въ писаніяхъ его и въ писаніяхъ лучшихъ его послѣдователей, профессоръ долженъ искать основательнаго философскаго ученія; но при семъ должно примѣтить, что никогда не найдетъ онъ сего ученія въ отрывкахъ и краткихъ извлеченіяхъ, на разныя его мысли изданныхъ: въ нихъ, страннымъ образомъ, невѣжествомъ толкователей все обезображено: Истинной его системы должно искать прилежнымъ и долговременнымъ испытаніемъ и упражненіемъ въ подлинныхъ его сочиненіяхъ. Изъ новѣйшихъ философовъ, тѣхъ должно предпочтительно держаться кои ближе его держались. Но вообще да не будетъ никогда въ духовныхъ академіяхъ слышимо то различіе, которое къ соблазну вѣры и въ укоризну даже простаго добраго смысла столь часто въ школахъ было допускаемо, что одно и тоже предложеніе можетъ быть справедливо въ понятіяхъ философскихъ и ложно въ понятіяхъ христіанскихъ“ [232]).

Мы ограничиваемся этими краткими справками о Погодинѣ [233]) и переходимъ теперь къ другимъ малымъ славянофиламъ. Изъ нихъ ни одинъ не дождался еще изслѣдователя, не только подобнаго Барсукову, но даже и гораздо болѣе поверхностнаго, и, потому, о нихъ придется сказать очень немного.

А. И. Кошелевъ былъ близокъ къ нашему о Ѳ. Бухареву [234]); А. Ѳ. Гильфердингъ переписывался по научнымъ вопросамъ съ А. В. Горскимъ [235]); М. Н. Катковъ удѣлялъ вниманіе Академіи въ своемъ журналѣ [236]) и газетѣ. Но всего инте-

---

[232]) Тамъ же, стр. 21—22.

[233]) Лично онъ въ Академіи бывалъ, кажется, только на диспутахъ („У Троицы въ Академіи“, стр. 162 и 579).

[234]) Объ этомъ см. въ извѣстной книгѣ проф. Знаменскаго: „Полемика 60-хъ годовъ“.

[235]) См. „У Троицы въ Академіи“, стр. 379—380. Ср. стр. 389.

[236]) Какъ исключеніе, нужно отмѣтить одно письмо въ редакцію „Русскаго Вѣстника“, въ которомъ неизвѣстный защитникъ русскихъ ренегатовъ,

реснѣе столкновеніе послѣдняго съ нашимъ философомъ В. И. Лебедевымъ, адъюнктомъ Ѳ. А. Голубинскаго [237]), хотя Катковъ впрочемъ, и не зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Въ „Пропилеяхъ“ была напечатана большая статья Каткова: „Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи“ [238]), гдѣ послѣдній, въ сознательный противовѣсъ сухимъ и формальнымъ нѣмецкимъ руководствамъ по исторіи философіи, пытается возсоздать античное мышленіе во всей его живости. Поэтому онъ не останавливается надъ чисто историческими изысканіями и хочетъ уловить лишь основное въ каждой отдѣльной философской системѣ, то, что, впослѣдствіи, Бергсонъ назвалъ философской интуиціей. Отсюда очеркъ его получаетъ, дѣйствительно, довольно вещный характеръ, и, хотя съ нимъ, конечно, можно спорить о многомъ, его изслѣдованію, однако, никакъ нельзя отказать въ большомъ своеобразіи и интересѣ. Къ сожалѣнію, нашъ академическій критикъ, скрывшійся подъ буквой N, не обратилъ вниманія на общій благородный замыселъ Каткова и придрался къ мелочамъ [239]). Въ особенности смутило его отношеніе философа университетскаго къ пиѳагореизму, въ которомъ послѣдній готовъ видѣть едва ли не древнѣйшую изъ эллинскихъ философскихъ школъ и въ пиѳагорейской математикѣ признаетъ нѣчто гораздо болѣе красочное и жизненное, чѣмъ простыя спекуляціи надъ геометрическими фигурами и числами. Нашъ философъ держится скорѣе послѣдняго взгляда, и, потому, готовъ отодвинуть Пиѳагора ко днямъ Платона и даже далѣе, видя въ его ученіи ступень философской абстракціи, гораздо болѣе „кабинетную“, чѣмъ въ системахъ іонійскихъ физиковъ, элейцевъ, Эмпедокла, Анаксагора и

---

уклонившихся въ католицизмъ, готовъ обвинить „Прибавл. къ твор. св. отцевъ“, за пропущенную статью „Обличеніе на книгу: О возможности соединенія церкви россійской съ западною“, чуть не въ шпіонствѣ, но сознается, что „книга, на которую написано это „обличеніе“, дѣйствительно, дикая: составлена человѣкомъ, какъ видится далеко не изучившимъ предмета, о которомъ онъ взялся разсуждать, исполнена вопіющихъ несообразностей и т. д. (См. „Русск. Вѣстн.“ 1859 г. „Соврем. лѣтопись“. „Библіогр. замѣтка“. Апрѣль. кн. 1-я, стр. 245 и сл.)“.

237) См. „Истор. М. Д. Академіи“. стр. 52 и 138.

238) Кн. 1-я, стр. 305—359 и кн. III-я, стр. 61—160.

239) „Москвитянинъ“. 1854 г. Т. 3, ч. V. „Критика и библіографія“, стр. 45 и сл.

атомистовъ. Извиненіемъ ему можетъ служить лишь то, что онъ имѣетъ въ виду не столько Каткова, сколько одного изъ его неумѣренныхъ поклонниковъ [240]). Какъ бы то ни было, Катковъ былъ сильно задѣтъ и отвѣтилъ противъ большой рецензіи Лебедева еще болѣе пространными „Замѣчаніями“ [241]). Указавъ нѣсколько мелкихъ, хотя и весьма досадныхъ промаховъ рецензента [242]), онъ еще разъ настойчиво и строго исповѣдалъ свою вѣру въ онтологизмъ пиѳагорейскаго мышленія. Въ пиѳагорейскомъ ученіи „объ *элевзинѣ*, *гестіи*, этомъ *престолѣ* и *жертвенникѣ Дія*, о *матери боговъ*“, по его мнѣнію, заложено все „богатство сказаній, неисчерпанное философіей греческою“ [243]). „Ѳеологумены, которые передавались отъ поколѣнія въ поколѣніе *мужами пиѳагорейцами*, говоритъ онъ, содержаніемъ своимъ не только богаче философствованія другихъ мыслителей.., но даже превосходятъ полнѣйшія системы греческой философіи“ [244]).

На возраженія Каткова, Лебедевъ отвѣтилъ еще разъ кратко, желая защитить свою освѣдомленность въ исторіи философіи, въ которой, немного рѣзко, отказывалъ ему Катковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ даетъ послѣднему урокъ по славянофильству, совѣтуя избѣгать иностранныхъ словъ и выраженій, вродѣ „*нейтрализовать*, *матеріализованный*, *реагирующій*, *архаическій*, — *безчисленное фиксируется въ своей безчисленности*.., *продуктъ* и т. п.“. „Изпещрять русскую рѣчь иностранными словами, внушаетъ онъ, всегда дурно, а еще хуже вводить новыя слова, съ какого бы языка они взяты не были“. Катковъ сошлется, можетъ быть, на нѣмцевъ,— „Что изъ того? Нѣмцы сковываютъ множество словъ, поразительно варварскихъ. Обязаны ли мы, при переводѣ нѣмецкихъ книгъ, переносить на русскій языкъ всѣ ихъ варварскія выраженія?“ [245]).

Вообще же этотъ споръ двухъ философовъ—славянофи-

---

240) Рецензента „Отечественныхъ Записокъ“.

241) „Пропилеи“. Кн. III-я, ч. 2-я, стр. 207—270.

242) Напр. на стр. 212—213—цитата изъ Аристотеля, взятая изъ вторыхъ рукъ (изъ Исторіи философіи Гегеля) и искаженная до неузнаваемости.

243) Тамъ же, стр. 258.

244) Тамъ же, стр. 257.

245) См. „Нѣсколько словъ объ антикритикѣ г. Каткова“. „Москвитянинъ“. 1854 г., т. 6-й. „Критика и библіографія“, стр. 171.

ловъ настолько интересенъ въ деталяхъ, что его можно было бы подвергнуть спеціальному разсмотрѣнію, но это вывело бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы намѣченной темы.

Еще меньше, чѣмъ Катковъ, связанъ съ нашей Академіей К. Н. Леонтьевъ. Познакомился онъ съ нею, едва ли не впервые, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти. Воспоминанія о его пребываніи въ Посадѣ сохранились у знавшихъ его лично—Архіепископа Антонія, въ то время бывшаго ректоромъ нашей Академіи, и у профессора И. В. Попова [246]). И. В., въ то время еще студентъ послѣдняго курса, по просьбѣ одного изъ московскихъ знакомыхъ, взялся помочь Леонтьеву въ пріисканіи квартиры въ Посадѣ и, съ этой цѣлью, навѣстилъ послѣдняго въ Новой Лаврской гостиницѣ. Завязавшійся, въ первую встрѣчу, разговоръ былъ продолженъ при новыхъ свиданіяхъ, но они скоро были прерваны тяжелой предсмертной болѣзнью Константина Николаевича. И. В. вспоминаетъ, что споры вращались, главнымъ образомъ, около славянофильскихъ темъ, захватывая и всѣ смежные съ ними вопросы философскіе и религіозные. Леонтьевъ оставался до конца вѣренъ себѣ, строго отграничивая христіанство „Аѳона“ отъ христіанства „розоваго“. Но зато онъ, по собственному признанію, былъ вполнѣ согласенъ съ сужденіями своего молодого собесѣдника о томъ, что для многихъ эмансипаторовъ общеевропейская культура имѣетъ значеніе равносильное культурѣ религіозной [247]).

Архіепископъ Антоній навѣщалъ Леонтьева уже на смертномъ одрѣ. „Больной, вспоминаетъ онъ, говорилъ много и очень умно, но въ высшей степени скромно, какъ говорятъ простые монахи передъ настоятелями или старшими іеромонахами“ [248]). Содержаніе рѣчей попрежнему сосредоточивалось около славянофильскихъ вопросовъ. Архіепископъ Антоній вспоминаетъ, что еще до личнаго знакомства съ Леонтьевымъ послѣдній тронулъ его тѣмъ, что „представлялъ себѣ и читателю нашу Русь, не какъ часть „культурной и просвѣщенной „Европы, а какъ часть Вселенской, Православ-

---

[246]) За нижеслѣдующія свѣдѣнія мы признательны самому И. В. Попову

[247]) См. „Письма К. Н. Леонтьева къ Анатолію Александрову“. „Богосл Вѣстн.“ 1915 г., янв., стр. 26—27.

[248]) Въ сборникѣ „Памяти К. Н. Леонтьева“ и отдѣльно „Искренняя душа“. Спб. 1911. стр. 6.

ной, Христовой Церкви“ [249]). Но именно этотъ моментъ въ славянофильствѣ мы выше и признали самымъ существеннымъ для него.

Значительно ближе Леонтьева былъ къ нашей Академіи другой изъ малыхъ славянофиловъ, А. А. Кирѣевъ, лишь недавно закончившій свое земное поприще и на которомъ и мы кончаемъ свой разсказъ. Сближеніе его съ нашей Академіей началось его перепиской съ нашимъ профессоромъ В. А. Соколовымъ [250]), продолжилось статьями Кирѣева въ академическомъ журналѣ и завершилось избраніемъ его почетнымъ членомъ Академіи „во уваженіе къ его многолѣтней и ревностной дѣятельности на служеніе дѣлу сближенія старокатоликовъ съ Православною Церковью“ [251]).

---

Такова, въ самыхъ общихъ и случайныхъ чертахъ, картина сношеній нашей Академіи со славянофильской семьей. Отнюдь не притязая на полноту, она расчитана прежде всего на то, чтобы побудить тѣхъ, кому попадутся на глаза эти страницы разсказа и кто можетъ что либо прибавить къ нимъ интереснаго и новаго,—не скрывать своихъ свѣдѣній въ одной лишь памяти сердца, но внести ихъ въ общую сокровищницу историческихъ воспоминаній о прошломъ Московской Академіи,—этомъ маломъ дѣтищѣ одной общей великой матери всего славянофильскаго—Православной Россіи [252]).

---

[249]) Тамъ же, стр. 9—10. Въ „Журналахъ Совѣта за 1886 г.“, 28 ноября. № XXIII значится—„Отношеніе ректора Императорскаго Казанскаго Университета съ экземплярами диссертацій на степень доктора медицины К. Леонтьева и др.“, стр. 238.

[250]) См. В. Соколовъ. „Памяти А. А. Кирѣева“. „Богосл. Вѣстн.“ 1911 г., ноябрь, стр. 647 и сл.

[251]) „Журналы Совѣта за 1903 г.“, стр. 311—312 (23 сент.).

[252]) На общеславянофильскія темы писали курсовыя сочиненія: А. Виноградовъ—„Религіозно-философскія воззрѣнія славянофиловъ (проф. А. И. Введенскому, отзывъ въ „Журн. Сов. за 1892 г.“, стр. 286—287“). А. Воскресенскій—„Церковно-общественные идеалы славянофиловъ (руководитель неизвѣстенъ, анонимный отзывъ—въ „Журн. Сов. за 1895 г.“, стр. 132—133)“, М. Ковригинъ—„Историческія воззрѣнія славянофиловъ (проф. М. М. Богословскому, „Журн. Сов. за 1910 г.“, стр, 533—536)“ и, еще болѣе общаго характера,—И. Четыркинъ—„Славянская идея въ русской литературѣ XIX вѣка (проф. Н. Л. Туницкому, см. „Журн. Сов. за 1914 г.“, стр. 507—512)“ и—Б. Вѣляевъ — „Славянофильство и западничество въ воззрѣніяхъ на русскій старообрядческій расколъ (проф. И. В. Громогласову, „Журн. Сов. за 1908 г.“, стр, 80—81)“.